

Диана Уинн Джонс
Дорога ветров
Серия «Квартет Дейлмарка», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=140507

*Диана Уинн Джонс. Дорога ветров. Квартет Дейлмарка. Книга 2: Эксмо, Domino; Санкт-Петербург; 2014
ISBN 978-5-389-09363-8*

Аннотация

Английская писательница Диана Уинн Джонс считается последней великой сказочницей. Миры ее книг настолько яркие, что так и просятся на экран. По ее бестселлеру «Ходячий замок» знаменитый мультипликатор Хаяо Миядзаки, обладатель «Золотого льва» – высшей награды Венецианского кинофестиваля, снял одноименный анимационный фильм, завоевавший популярность во многих странах.

Некогда всеми землями Дейлмарка правил король, но эпоха королей ушла в прошлое, и страна раскололась. И если в Северном Дейлмарке люди живут свободно, то на Юге правят жестокие графы. Митт вырос в портовом городе Холланд, научился править лодкой и ловить рыбу, но не мечтал о судьбе рыбака. Он задумал отомстить за своего отца, пусть даже это означало для него верную смерть. К счастью, судьба вмешалась в его планы. Ведь не зря Митта назвали в честь легендарного Старины Аммета, покровителя этих земель, которого на островах зовут Колебателем Земли...

Содержание

Часть первая	5
1	6
2	14
3	20
4	29
5	35
Часть вторая	43
6	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Диана Уинн Джонс

Дорога ветров

Квартет Дейлмарка. Книга 2

Text copyright © Diana Wynne Jones 1977

© Т. Черезова, перевод, 2015

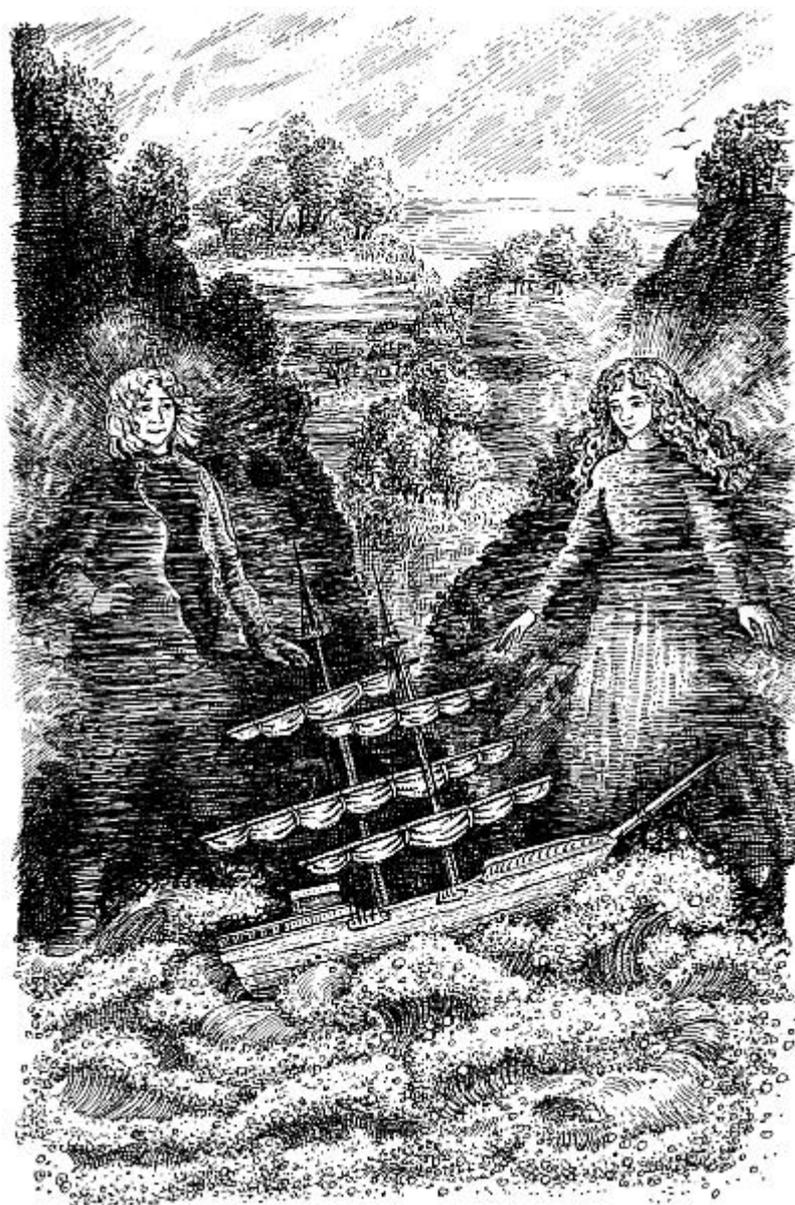
© А. Ломаев, иллюстрация, 2015

© А. Ларионова, иллюстрации, 2015

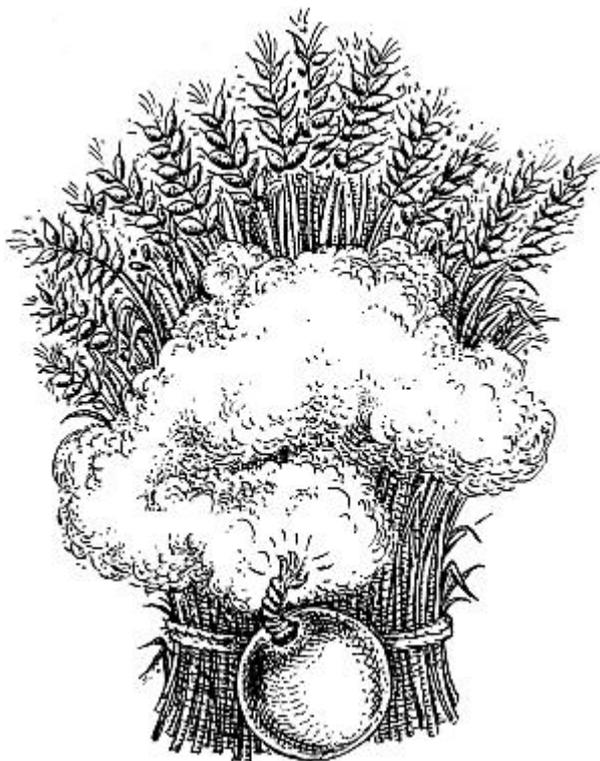
© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство АЗБУКА®

* * *

Часть первая «Вольные голландцы»

1

Ну как так вышло, что Митт принес на Морской фестиваль бомбу? Потом он и сам не мог это толком объяснить. И о чем он думал?

А ведь это к тому же был его день рождения. Митт родился как раз в день Морского фестиваля, и его назвали Алхаммиттом не только в честь отца, но и в честь Старины Аммета, которому и посвящено любимое празднество голландцев.

Наверное, первым, что Митт услышал, с воплем появившись на свет, был смех родителей – их страшно развеселило такое совпадение.

– А он не торопился, – сказал отец Митта, – и день выбрал подходящий. И кто он получается? Соломенный человек, рожденный, чтобы его утопили?

Мильда, мать Митта, задорно расхохоталась. Морской фестиваль вообще очень веселое празднество. Каждую осень в этот день Хадд, граф Холанда, наряжается в нелепый костюм, берет сплетенное из пшеничных снопов чучело в рост человека и во главе процессии шествует в гавань. Соломенную куклу зовут Старинной Амметом или Беднягой Амметом. Следом за Хаддом идет один из его сыновей, он несет Либби Бражку, жену Бедняги Аммета, сделанную из одних только плодов. А за графом и его сыном течет пестрая, развеселая, шумная толпа. Когда шествие добирается до гавани, на берегу произносят несколько ритуальных фраз и бросают чучела в море.

Никто не знает, почему так повелось. Для большинства голландцев эта церемония – лишь предлог, чтобы после всю ночь веселиться, есть до отвала и пить до упаду. С другой стороны, если бы Морской фестиваль по каким-то причинам вдруг не состоялся, все сочли бы это дурной приметой.

Поэтому Мильда, хоть и хохотала так сильно, что даже ямочки у нее на щеках спрятались в складочки, наклонилась над новорожденным и сказала:

– А я думаю, что это к счастью – родиться в такой день. Наш сын вырастет настоящей вольной птахой, точно как ты, вот увидишь! И поэтому я называю его в твою честь.

– Значит, быть ему песчинкой на берегу, – отозвался отец Митта. – Как мне. Выйди в город и крикни на улице: «Алхаммитт!», так откликнется половина Холанда.

И оба рассмеялись тому, какое распространенное имя дают младенцу.

* * *

В детстве Митт часто слышал родительский смех. Это было счастливое время. Им удалось взять в аренду ферму в графских владениях, носивших название Новый Флейт, всего в десяти милях от Холанда. Эту землю отвоевал у приморских топей дед графа Хадда, и на ней росла сочная изумрудная трава, овощи на грядках вызревали огромными, а злаки так и колосились на узких полосках земли меж дренажных канав.

Земля на ферме «Дальняя плотина» была такая плодородная, а голландский рынок так близко, что семья Митта жила безбедно. Хотя графа Хадда называли самым жестоким человеком Дейлмарка и фермеров Флейта частенько выселяли за неуплату ренты, у родителей Митта денег на жизнь хватало. Они смеялись. Митт рос, беззаботно бегая по дорожкам между посадками и канавами. Никому и в голову не приходило, что малыш может утонуть. Когда ему было два года, он как-то раз упал в канаву и... научился плавать. Родители заняты, помочь некому, пришлось справляться самому. Митт добрался до берега и выкарабкался на тропинку, а пока бежал дальше, свежий ветер высушил его одежду.

Шум этого ветра был такой же неотъемлемой частью его воспоминаний, как родительский смех. Если не считать холма, на котором стоял город Холанд, Флейт был весь плоский, как стол. Ветер с моря продувал его насквозь. Иногда налетал ураганом, прижимая траву к земле, рассекая отраженное в канавах небо на серые клинья и сгибая деревья так, что их листья показывали серебристую изнанку. Но обычно он просто дул, непрерывно и упорно, отчего вода в канавах все время морщилась, а листья тополей и ольхи тихо звенели. Когда пшеница поспевала, она сухо шуршала на ветру, словно солома в тюфяке.

Непрестанный ветер вздыхал в траве, гудел в печной трубе и без остановки вращал полотняные крылья больших ветряных мельниц. Те поскрипывали и потрескивали, выкачивая воду из канав и перемалывая зерно. Митта эти мельницы ужасно смешили: их руки так забавно пытались ухватить небо!

А однажды, вскоре после того, как Митт научился плавать, ветер внезапно стих. Такое порой случалось в самом начале лета, но мальчик тогда впервые в жизни увидел безветренный Флейт.

Крылья ветряных мельниц взвизгнули и остановились. Все замерло. В канавах отразились синее небо и перевернутые деревья. Вокруг стало тихо и неожиданно тепло. И откуда-то потянуло необычным запахом. Митт не мог понять, что происходит. Стоя на берегу канавы у самого дома, он настороженно прислушивался к тишине и принюхивался. Пахло коровьим навозом, торфом и мятой травой, а еще – дымом из трубы. А если постараться, можно было разобрать запах растущей зелени: борщевика, лютиков, чуть-чуть ромашки... И самый сильный – сладкий аромат набухающих почек ивы. А за всем этим то появлялся, то исчезал едва заметный, будоражащий душу привкус далекого моря.

Митт был слишком мал тогда, чтобы понять, что это просто исчез ветер и в воздухе разлились непривычные запахи. Ему показалось, что он на миг увидел какой-то невыразимо прекрасный край, теплый и безмятежный, – и он захотел туда попасть. Да, это такая страна. Причем совсем недалеко, рукой подать, и принадлежит одному только Митту. Он немедленно отправился ее искать, скорее, пока не забыл дорогу.

Мальчик рысцой добежал до канавы, перешел ее по мостику и потрусил на север. Знакомые места, конечно, не могли быть его страной, и он нетерпеливо миновал их. Так он неся, пока у него не заболели ноги. Но и тогда он все еще находился в Новом Флейте, пло-

дородном и зеленом, с его канавами, тополями и ветряными мельницами. Митт знал, что его страна не похожа на Флейт, пришлось брести дальше. И еще через милю-другую он попал в Старый Флейт. Здесь действительно все было иначе. Никаких деревьев вокруг, одна лишь ширь до самого горизонта. Земля поросла розоватыми болотными растениями. Кое-где виднелись длинные полосы камыша и зеленой ряски – там прежде были каналы и фермы, но теперь все заросло и одичало. Митт не заметил никакой живности, кроме комарья и болотных птиц с жалобными голосами. Дороги-насыпи, пересекавшие розовые заросли, напоминали вздувшиеся вены на старческой руке. А больше не было ничего, и только на самом горизонте виднелись холмы, которые Митт принял за гряду облаков: там Холанд соединялся с Уэйволдом.

Он упал духом – чуть-чуть, самую малость. Перед ним раскинулась совсем не та страна, которая ему привиделась. Картинка в его голове немного поблекла, и он уже не был уверен, что идет правильной дорогой. Тем не менее мальчик отважно двинулся в сторону безрадостного ландшафта. Он решил, что зашел слишком далеко, чтобы возвращаться. Спустил какое-то время Митт заметил на болоте движение. Он запомнил место и побрел туда. Это было крайне опасно. В Старом Флейте водились змеи. А если бы малыш попал в один из скрытых ряской бочагов, его могло затянуть в трясину. К счастью, он об этом не знал. И к счастью же, движущиеся фигуры, которые он заметил, оказались отрядом графских солдат, прочесывавшим Флейт в поисках беглого мятежника.

Митт еще издали понял, что это солдаты. Он встал на поросшую упругой травой кочку посреди чмокающей и чавкающей трясины и принялся думать, стоит ли к ним подходить. Когда жители Нового Флейта говорили о солдатах, то получалось, будто солдаты – это те, кого следует опасаться.

Рядом Митт увидел насыпь. Он подумал, не залезть ли на нее, чтобы убраться с дороги солдат. Но пока размышлял, с другой стороны на насыпь с трудом взобралась покрытая грязью лошадь. Ее наездник, молодой офицер, натянул поводья и изумленно уставился на очень маленького мальчика, в одиночестве стоящего на кочке посреди болот.

– Что ты тут делаешь? – окликнул его всадник.

Митт обрадовался компании.

– Ищу дом, – охотно ответил он офицеру. – И я пришел издалека, вот!

– Ясно, – отозвался тот. – И где твой дом?

– Там. – Митт неопределенно махнул рукой на север.

Он был занят разглядыванием своего нового знакомого. Золото на офицерском мундире потрясло его воображение. И лицо офицера тоже: нос у него выдавался вперед гораздо более резко, чем все знакомые Митту носы, а линия рта показалась какой-то очень правильной. В общем, мальчик почувствовал, что этот человек достоин узнать о прекрасной стране.

– Там все тихо, и вода, – объяснил он. – И это мое место, куда я иду. Только я еще не смог его найти.

Офицер нахмурился. Его собственную маленькую дочь накануне поймали по дороге во Флейт. Она заявила, что там, на горе, у нее есть свой дом и ей нужно его найти. Похоже, и здесь та же история.

– Да, но где ты живешь? – спросил он.

– На «Дальней плотине», – нетерпеливо ответил Митт, недовольный, что офицер расспрашивает его не о том. – Конечно. Оттуда я и иду. К себе домой.

– Понимаю, – сказал офицер и помахал стоявшим в отдалении солдатам. – Эй! Сюда! Кто-нибудь один!

На его крик кинулись сразу несколько солдат, которые с изумлением обнаружили не взрослого мятежника, а очень маленького мальчика.

– Он съезжился от сырости, – предположил один из них.

– Мальчик живет на «Дальней плотине», – сказал офицер. – Пусть кто-то из вас отведет его домой и велит родителям впредь лучше за ним смотреть.

– «Дальняя плотина» мне не дом! Я там просто живу! – запротестовал Митт.

Тем не менее его доставили обратно на «Дальнюю плотину»: он почти висел на руке огромного солдата в зеленом мундире графского войска. Поначалу Митт держался угрюмо: он был огорчен и немного обижен. И еще офицер его глубоко разочаровал. Мальчик поделился с ним тайной, а тот даже толком не выслушал. Однако солдат оказался человеком добродушным. У него самого были дети, к тому же поиски мятежника на безветренном Флейте, по жаре и сырости – удовольствие сомнительное. Вояка обрадовался возможности ненадолго улизнуть от этой работы. Он держался с мальчуганом по-дружески, и вскоре Митт повеселел и стал радостно болтать о том, как далеко прошел и что ему, наверное, тоже захочется стать солдатом, когда он вырастет, а еще морским капитаном и водить графские корабли.

Люди в Новом Флейте выходили на порог и смотрели, как Митт рысит мимо, цепляясь за большую теплую руку провожатого. Взгляды на них бросали неласковые. Граф Хадд был человеком жестким и мстительным. И именно военные выполняли его суровые приказы. А в последнее время командование взял на себя второй сын графа, Харчад. Он оказался еще более безжалостным, чем его отец. И поскольку по всему Дейлмарку граф в своих землях имел больше власти, чем король в те времена, когда еще были короли, то Харчад и его воины делали все, что им заблагорассудится. Вот почему солдат ненавидели.

Митт ничего в этом не понимал, но замечал недобрые взгляды.

– Нечего так смотреть! – то и дело кричал он. – Это мой друг, вот!

Солдат чувствовал себя все более неловко.

– Полегче, сынок, – повторял он каждый раз, когда мальчишка начинал вопить.

А спустя какое-то время солдат, похоже, почувствовал, что должен оправдаться.

– Человеку надо как-то жить. Мне эта работа не нравится, но что еще остается парню с дальнего берега бухты? Вот накоплю денег и стану фермером, как твой папка.

– Так ты живешь на берегу? – спросил Митт, который больше ничего из его слов не понял.

Они дошли до «Дальней плотины». Родители Митта хватились его примерно полчаса назад и переполошились. Отец для начала отвесил ему крепкий подзатыльник, а мать крепко-крепко обняла. Митт не понял, чего это они так его встретили. К тому времени картина прекрасной страны уже стерлась из его памяти. Он и сам толком не знал, зачем ушел.

Солдат стоял рядом, напряженный и очень официальный.

– Мальчика нашли в Старом Флейте, – сообщил он. – Сказал, что ищет свой дом, или что-то в этом духе...

– Ох, Митт! – радостно воскликнула Мильда. – Какая же ты вольная птаха! – И снова обняла сына.

– И еще, – добавил служивый, – Навис Хаддсон шлет вам поклон и просит, чтобы в будущем вы лучше присматривали за постреленком.

– Навис Хаддсон! – воскликнули хором родители Митта: Мильда – потрясенно, а отец – с удивлением и возмущением.

Навис был младшим из трех сыновей графа Хадда.

– Очень мило со стороны Нависа Хаддсона, – саркастически бросил отец Митта. – Надо полагать, он прекрасно знает, как растить мальчиков?

– Право, не могу сказать, – ответил солдат и ушел, не желая вступать в спор с таким крепким и напористым мужчиной, как старший Алхаммитт.

– Ну а по-моему, очень мило, что Навис вот так отправил домой нашего Митта! – сказала Мильда, когда воин ушел.

Отец сплюнул в канаву.

Тем не менее Мильде запала в душу доброта Нависа. Она рассказывала о ней всегда, когда рядом не оказывалось мужа, которого это раздражало. И большинство ее слушателей тоже были глубоко поражены. Обычно-то граф Хадд и его родственники к людям доброты не проявляли. После того случая Мильда расспрашивала о Нависе и разузнала о нем все, что могла. Впрочем, узнать удалось не так уж много. Любимцами графа были его старший сын Харл и второй сын Харчад, о них гуляло много пересудов. Но примерно в то время, когда Навис отправил Митта домой, он пользовался несколько большим расположением отца, чем обычно. Дело в том, что года три тому назад граф присмотрел Навису жену, как выбрал их и двум другим своим сыновьям. Мильда слышала, что Навис и его жена души друг в дружке не чают и повсюду ходят вместе. И жена Нависа родила девочку. Вот почему граф был доволен сыном.

Граф ценил внучек. Ему не особенно нравились девочки, но внучки были ему нужны, потому что он был человеком крайне вздорным. Внучек можно выдавать замуж за графов и лордов, и тогда в спорах те будут поддерживать графа Холанда. А до этого девочку родила только жена Харла. Так что когда у Нависа появилась дочка, Хадд пришел в восторг. Кроме того, Мильда слышала, что супруга Нависа ждет второго ребенка и Хадд радостно предвкушает появление еще одной внучки.

Ребенок родился через месяц. Это оказался мальчик, а его мать умерла родами. Говорили, что Навис, убитый горем, даже не потрудился дать сыну имя. Пришлось нянькам просить, чтобы имя ему придумал граф Хадд, а Хадд разозлился, что не получил внучки, и назвал мальчика Йиненом – в честь лорда, который ему особенно не нравился. Впрочем, еще до конца года Хадд утешился: жены Харла и Харчада родили девочек. Что до Нависа, то он отказался от поста в армии графа и куда-то скрылся. Больше ни о нем, ни о его детях, Хильдриде и Йинене, люди не слышали.

* * *

И все-таки Митт так до конца и не забыл свою прекрасную страну. Всякий раз, когда выдавался редкий безветренный день, он вспоминал о ней, хотя видение бывало довольно смутным. Но мальчик уже не кидался на поиски чудесного края. Он понимал, что тогда его снова приведут домой солдаты. Обидно! Порой из далекого далека доносился зов его ненайденной земли. Митт мог услышать ее голос в тишине, в запахах или в шторме, который с ревом налетал с моря, и тогда думал о том удивительном месте, и ему казалось, что сердце

вот-вот разорвется. Но это продолжалось лишь миг, потом он отбрасывал тоску прочь и смеялся вместе с отцом и матерью.

Втроем они могли смеяться над чем угодно. Однажды вечером лил дождь, а они с Мильдой веселились вовсю. Митт тогда как раз учил буквы. Они давались ему с таким трудом, что он не мог не смеяться. Тут под порывом мокрого ветра распахнулась дверь, сдув что полегче в дальний конец комнаты, а на пороге возник отец Митта. Хохоча и перекрикивая ветер, он сообщил, что корова отелилась. Едва он договорил, как дверь сорвалась с петель и упала на него. Они втроем хохотали так, что чуть животики не надорвали.

А самое смешное случилось тогда, когда тот теленок вырос в молодого и задиристого бычка. Митт и его родители были на пастбище – пытались укрепить стенку канавы, которая норвила обвалиться. Бык стоял и с любопытством наблюдал за ними. На пастбище ведь довольно скучно... И тут явился сборщик арендной платы Хадда. Он перелез через ограду и, раздраженно ворча, подошел к канаве.

– Мне пришлось тащиться сюда от самого дома! – надменно начал он. – Почему вы не могли...

Бык озорно сверкнул красным глазом, опустил рога и бросился вперед. Никого из хозяев он бы в жизни не обидел, но чужак – это же совсем другое дело! Должно быть, в его бычьей голове родилась смутная догадка, что семья не очень рада видеть этого человека.

Как бы там ни было, а сборщик вместе со своим кошельком и прочим имуществом описал в воздухе красивую дугу и приземлился прямо в канаву, подняв тучу брызг. Он встал на ноги. Страшно выругался. Подковылял к берегу и попытался выкарабкаться. Но бык его уже ждал и просто столкнул обратно в канаву. Ничего смешнее Митт в жизни не видел. Сборщик никак не мог додуматься вылезти на другую сторону канавы, где быку было бы его не достать. Он упорно карабкался на пастбище, сжимая свой кошелек. А бык всякий раз тыкал в него рогами – и мытарь летел в воду. Снова и снова сборщик поднимался на ноги, брел к берегу, плюхался обратно в канаву и, сидя в воде, кудахтал: «Неужели вы не можете справиться со своей скотиной?» А родители ничего не могли сделать – они висели друг на дружке, обессилив от хохота. Наконец Митт, который покатывался со смеху не меньше их, зацепил пальцем кольцо в ноздрях у быка и дал несчастному мытарю выбраться на сушу. Но сборщик вовсе не кинулся его благодарить.

– Я тебе покажу, как смеяться, мальчишка! – прорычал он.

И показал. Когда он в следующий раз явился за платой, то потребовал двойную. А в ответ на протест отца Митта бросил:

– Я тут ни при чем. Графу Хадду нужны деньги.

Возможно, Хадд и правда поиздержался. Плату повысили по всему Флейту. По слухам, в городе были бунты и графу требовались деньги на солдат. Ведь чтобы справиться с бунтовщиками, нужна армия. Но только «Дальней плотине» пришлось платить аж вдвое больше прежнего. И с этим ничего было нельзя поделать. Теоретически можно обратиться в суд и обвинить мытаря в вымогательстве. Но тот – человек графа, а судьи всегда поддерживали слуг графа, а не простых людей. Если, конечно, те не давали судье достаточно большую взятку. У родителей Митта денег на взятку не нашлось. Даже на то, чтобы заплатить аренду, не хватило. Им пришлось продать быка.

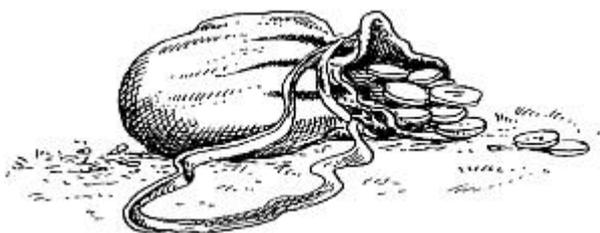
В следующий сезон они продали мула. Потом – часть мебели. И оказались в порочном круге: чем больше всего с фермы они продавали, тем меньше у них оставалось, чтобы заработать денег на следующую арендную плату, и тем больше им приходилось продавать. Родители Митта перестали смеяться. В ту зиму отец неделями пропадал в Холанде на заработках, а мать тем временем пыталась управляться на ферме одна. Митт как мог помогал ей. Им приходилось отчаянно трудно. Заботы оставили свой след на хорошеньком личике Мильды – на одной щеке, на том месте, где раньше была ямочка, появилась морщинка. Митт

ненавидел эту морщинку. Лицо отца, каким оно было в ту зиму, он не запомнил. В памяти остались только злой голос и квадратная спина мужчины, бредущего по насыпи к Холанду.

Похоже, работы для него в городе почти не находилось. Денег он приносил очень мало, хотя то, что приносил, позволило им продержаться на «Дальней плотине» все следующее лето. Но Мильда в одиночку не справлялась с хозяйством и то и дело о чем-нибудь забывала. Они несли убытки.

И все же несколько раз Митту удавалось отдохнуть, полежать на берегу канавы, любуясь трепещущими на ветру листьями. В такие минуты он с тоской вспоминал о своей прекрасной стране. Чем труднее становились времена, тем больше ему хотелось оказаться там, в чудесном краю. Мальчик мечтал отправиться на его поиски, но он был уже не маленький и понимал, что должен остаться и помогать маме.

Снова наступил день уплаты аренды, а денег не оказалось совсем. Напрасно Мильда умоляла сборщика подождать хоть пару дней. На завтра он явился с приставом и тремя солдатами графа, и Митта с Мильдой выгнали из «Дальней плотины». Накануне своего восьмого дня рождения Митт помог матери сложить их скудные пожитки в тачку и отвезти их в Холанд, где их ждал отец.

2

Митт всегда страшно не любил вспоминать ту первую зиму в Холанде. Отец снимал комнату в большом доме на берегу. Митт и Мильда стали жить там же. Дом, наверное, построил какой-то богач. На облупившемся зеленоватом фасаде сохранились остатки красивой росписи: гирлянды цветов, герои легенд, снопы пшеницы и груды фруктов. Но от старости краски так поблекли, что ничего толком не разберешь. Да и вообще, Митт редко видел дом снаружи. Большие комнаты поделили на множество тесных каморок. Здесь царили бедность, шум и жуткая грязь. От ведер, которые выставляли на черную лестницу, воняло. В щелях кишели клопы. По ночам они вылезали и больно кусались. Из-за всего этого Митт почти не мог спать. Он лежал без сна и слушал, как бранились родители. Раньше между ними такого не случалось.

Он не мог понять, из-за чего эти ссоры. Казалось, отец совсем не рад, что они поселились с ним в Холанде. «Повисли на моей шее!» – вот как он об этом сказал.

Он хотел, чтобы жена с сыном вернулись обратно на «Дальнюю плотину». Когда Мильда закричала в ответ, что платить за землю нечем, он обозвал ее лентяйкой.

– Почему я должна стирать руки до костей, чтобы ты мог тут бездельничать? – завопила в ответ Мильда.

Но после недели семейных свар она нашла работу в мастерской, где шили красивые узорчатые занавески. С тех пор мать проводила там дни напролет.

А Митту стало еще труднее взять в толк, почему родители ссорятся. Мама все время твердила отцу: «Ты со своими „Вольными холандцами“! „Вольные холандцы“, как же! Здесь вообще никакой воли нет!» Митт понятия не имел, что это значит.

Город мальчику не понравился. Его раздражали шум и толпы. Как и ежедневная обязанность – отнести ведро к берегу и вылить содержимое в воду гавани. Как сказала Мильда, единственное преимущество их жилья – не надо далеко ходить, чтобы избавиться от помоев. Митту отвратителен был запах загаженного берега, где рыба чешуя сияла на камнях, словно

блестки на грязном платье. Тесная гавань его пугала. Там стояли высокие корабли с множеством мачт и развевающимися вымпелами, торговые корабли, корабли графского флота. Погрузка и выгрузка почти никогда не прекращались. В гавани сновали небольшие переполненные баркасы, гребные шлюпки, катера, прогулочные лодки и не меньше сотни рыбацких шаланд. Митт радовался, когда рыбацкий флот уходил на ловлю, потому что тогда переполненная гавань казалась чуть более просторной.

Когда Митт с ведром возвращался домой, то оставался один – Мильда уходила на работу. Заняться ему было нечем, разве что держаться подальше от других детей. Сверстников он не выносил. Ведь это были городские дети – хитрые, шустрые и умелые. Они смеялись над ним за то, что он не разбирается в местных обычаях. Выставляли его дураком, а потом убегали, хохоча.

Обычно Митт прятался от них в темных закоулках и уголках дома или на берегу. Но однажды он почувствовал, что с него хватит, и убежал вверх по склону, прочь от гавани, в зажиточную часть города. Там, к его удивлению, улицы оказались чище, и чем выше он поднимался, тем шире и красивее они становились. Воздух на холме был по-настоящему свежим, в нем ощущались запахи моря и осенние ароматы Флейта. Еще больше Митту понравилось то, что почти все дома были расписаны, и притом яркими, сочными красками, не то что их бедняцкое жилище. Наконец-то он смог рассмотреть картинку на стенах. Мальчик медленно брел, глаза на деревья и плоды, красные спирали и синие цветы, пока не оказался перед особенно красивым высоким домом. Его стены радовали глаз не только самыми разными красками, но и золотом. На одной башенке какая-то чопорная дама в зеленом платье протягивала кисть ярко-фиолетового винограда чопорному кавалеру на второй башенке, а его волосы, похоже, были из чистого золота. Митта очаровали эти двое. Чем-то они напомнили ему резные фигуры на носу больших кораблей. И – может быть, из-за того, что воздух пах свежестью – он снова размечтался о своем чудесном крае.

Митт стоял, восхищенно рассматривая дом и грезя, пока слуга торговца, которому принадлежал особняк, не вышел на улицу с палкой и не приказал ему убираться. Слуга обозвал его побродяжкой и закричал, что ему нечего здесь делать. Митт испугался и кинулся наутек. На бегу он оглянулся назад, на вершину холма, и увидел графский дворец. Ни один другой дом в городе не мог сравниться с особняком Хадда, таким он был великолепным, белоснежным, огромным, и так много сверкало в картинах на его стенах золотой краски. Митту показалось, что дворец вот-вот раздавит его. Так, наверное, чувствует себя яблочное семечко под прессом, когда готовят сидр.

Это был последний раз, когда Митт думал о волшебной стране. Холанд полностью выдавил из него эти воспоминания, оставив совершенно опустошенным и сбитым с толку.

Через неделю наступил день рождения Митта, а с ним в город пришел Морской фестиваль. Никто не работал, так что повсюду народу толпилось еще больше, чем обычно. Мальчик смотрел на праздничную процессию, сидя на плечах добродушного мужчины по имени Канден – кажется, отцовского друга. По улице двигалась толпа: бурлящая, шумная, пестрая. Все оглушительно кричали и вопили. Горожане украсили себя лентами, плодами и цветами. Некоторые напялили нелепые шляпы. Многие несли на шестах изображения: головы коров и лошадей, на которых тоже красовались шляпы и ленты. Парни сновали по процессии, крича и раскручивая деревянные трещотки. И вокруг было шумно, слишком шумно...

Время от времени мимо проходили группы людей, исполняя традиционную мелодию на традиционных же инструментах. Это были трубы-скринели, звучащие так же пронзительно, как их название. А еще Митт заметил треугольные штуки, на которых играли смычком с конским волосом. Они звались крадлы – и их звучание тоже было под стать имени. Группы музыкантов шли так далеко друг от друга, что только по чистой случайности могли играть ту же часть мелодии, что и остальные. А потом – бум! бум! бум! – пошли люди с

барабанами, и грохот заглушил даже скрипели. И в центре всего этого Митт увидел соломенное чучело на шесте, все сплошь увитое лентами вишневого цвета.

– Смотри, – сказал добродушный Канден, – вон Старина Аммет. Его несет граф Хадд.

– А что он с ним будет делать? – встревоженно уточнил Митт, ведь он никогда не слышал, чтобы граф Хадд сделал с кем-нибудь что-то хорошее.

– Бросит в гавань, конечно. На счастье, – пояснил Канден.

Митт пришел в ужас. Похоже, граф Хадд совершенно бессердечный. Он представил себе, как Старину Аммета сбрасывают в воду гавани, словно ведро с помоями, которое каждый день выливал он сам. Аммет начнет намокать, набухать водой, тонуть – и его ленты испортятся.

– А разве он не выплывет? – напряженно спросил Митт.

– Такое бывает не слишком часто, – ответил Канден, не догадываясь о переживаниях мальчика. – Обычно он разваливается на кусочки и тонет в гавани или сразу за ней.

– Нет, неправда! – отчаянно вскрикнул Митт.

Рядом с Канденом стоял еще один отцовский друг. Его звали Дидео, и все его лицо было испещрено сеткой тоненьких морщин.

Дидео заметил:

– Он не всегда разваливается на кусочки, наш Старина Аммет. Если идет отлив, то его выносит в море целым. Так говорят. И тогда он уплывает на много миль от берега. И бывает, что его вылавливают моряки. Люди верят, что тому кораблю или лодке, которая спасла Старину Аммета, будет сопутствовать удача.

Митт представил себе, как Старина Аммет плывет и плывет по морю, один-одинешенек, и ему стало совсем грустно. Он попытался перевести разговор на другое:

– А кто эти ребята с трещотками?

Канден посмотрел на процессию, где парни в красных и желтых штанах развлекались, раскручивая трещотки под носом у музыкантов.

– Парнишки из дворца. Вся процессия – это люди из дворца, – сказал он Митту и снова повернулся к Дидео. – Я ни разу не видел, чтобы Старина Аммет поплыл. Он тонет почти так же быстро, как Либби Бражка.

– А мне можно будет бегать с трещоткой? – в отчаянии прервал его Митт.

– Нет. Ты родился никем, – бросил Дидео. – Нет, он плавает, – возразил он Кандену. – Ты недавно в Холанде и не знаешь, но один раз его подобрала в добрых десяти милях от гавани. Это был старый «Семикратный», и я слышал, что все, кто был на том корабле, потом разбогатели. Но это единственный раз, когда такое случилось, – с сожалением добавил Дидео. – Тогда мне было примерно столько, сколько сейчас Митту.

Он посмотрел на мальчика и, с удивлением заметив, что тот побледнел и плачет, ткнул Кандена в бок.

Канден снял Митта со своих плеч и заглянул ему в лицо.

– Эй, в чем дело? Может, хочешь собственного Аммета?

– Нет! – воскликнул Митт.

Тем не менее он оказался перед лотком с дюжиной крошечных соломенных Амметов. С ними пошел третий друг отца Митта, мужчина с суровым и непроницаемым лицом. Звали его Сириоль. Он молча стоял рядом, пока Канден и Дидео нависали над мальчиком, изо всех сил стараясь его утешить. Может, Митт хочет вон того Аммета? Или как насчет вот этого, с синими лентами? А когда Митт наотрез отказался иметь дело со Старинной Амметом в лентах любого цвета, Канден и Дидео попытались купить ему восковую фигурку Либби Бражки. Но хотя восковые фрукты казались настоящими и очень аппетитными, Митт не захотел и Либби. Ее ведь бросали в море точно так же, как Беднягу Аммета. Он расплакался и оттолкнул фигурку.

– Но они же приносят удачу! – сказал Канден, не в силах взять в толк, в чем дело.

Суроволицый Сириоль взял с другого конца лотка яблоко в карамели и сунул его во влажный кулачок Митта.

– Держи. Это тебе понравится, вот увидишь.

И оказался совершенно прав. Малыш начисто забыл о своем огорчении, сражаясь с густой тягучей карамелью в попытках прогрызть ее до яблока.

С этими отцовскими друзьями была связана какая-то тайна. Митт знал, что маме они не нравятся. Он слышал, как еженощно она ругала их. Наступила зима, и с каждым днем мама все больше поносила отцовских приятелей, пока однажды – дело было накануне Нового года – Митт не услышал, как она говорит:

– Все, я сдаюсь. Если за тобой явятся солдаты, я не виновата!

После этих слов Мильды прошла примерно неделя, и зима была как раз на середине, когда глубокой ночью Митта что-то разбудило. На потолке мерцал красный свет. Он услышал треск и далекие крики и почувствовал запах дыма. Похоже, горел один из больших складов на берегу. Мальчик приподнялся на кровати, опираясь на локоть, и увидел пожар: огонь рвался в небо и отражался в темной воде гавани. Но проснулся он не поэтому. Его разбудило медленное шарканье за дверью. От этого звука у Митта мурашки по спине побежали. Он услышал, как мама пытается зажечь лампу и постанывает от спешки и досады, потому что фитиль никак не загорался. Вот лампа наконец зажглась, и Митт увидел, что отца с ними нет. Тени заматались по стенам – Мильда схватила лампу, бросилась к двери и распахнула ее.

За порогом оказался Канден. Он цеплялся за косяк, чтобы не упасть. Митт его плохо видел, потому что лампа в руке Мильды тряслась, но он понял, что Канден или ранен, или болен – или и то и другое. У мальчика родилось чувство, будто та часть Кандена, которую заслоняют Мильда и дверной косяк, стала какая-то не такая. И его не удивило, когда мама издала жуткий сдавленный крик.

– И-и-и! Что? Я так и знала, что ничего не выйдет!

– Люди Харчада, – сказал Канден презрительно. – Они нас ждали. Доносчики. Дидео, Сириоль и Хам. Они на нас донесли.

А потом Канден содрогнулся от отвращения – и соскользнул по дверному косяку на пол. Мильда встала рядом с ним на колени, прижимая лампу к себе и причитая:

– О боги! Что же мне делать? Что мне делать? Почему никто не поможет?

После этого на всей лестнице начали тихо открываться и закрываться двери. Оттуда выходили матроны в ночных рубашках и старых пальто, с лампами и свечами. Потекли тревожные перешептывания и утешения, а Мильда все стояла на коленях и причитала. Митт окаменел от ужаса. Ему не хотелось смотреть на Кандена или на мать, и поэтому он лежал и изучал потолок. Суестьющиеся дамы решили, что он спит, – и спустя какое-то время он, наверное, и правда заснул. Утром Кандена не оказалось. Но ночью он был у двери, это точно. На полу осталось пятно. И отец так и не пришел.

Митт догадался, что и папа, и Канден мертвы. Никто ему этого не говорил, но мальчик все равно знал. Не знал он лишь того, хочет ли он, чтобы ему рассказали, как это случилось. Мильда некоторое время не ходила на работу. Целыми днями она неподвижно сидела у окна и молчала. Лицо у нее так осунулось от тревоги, что складка на том месте, где раньше была ямочка, стала похожа не на морщину, а на неровный шрам. Митту страшно не понравилось, что у мамы сделалось такое лицо. Он присел на корточки у ее ног и попросил сказать, что произошло.

– Ты слишком мал, чтобы понять, – ответила Мильда.

– Но я хочу знать! – возразил Митт. – Что случилось с папой?

Он задал этот вопрос не меньше сорока раз, пока не получил ответа.

– Погиб, – пробормотала Мильда. – По крайней мере, я надеюсь, что это так, потому что все говорят, что лучше умереть, чем оказаться в руках Харчада. И я никогда не прощу им того, что они с ним сделали. Никогда, никогда, никогда!

– А что сделали Сириоль, Дидео и Хам? – спросил Митт, спеша услышать остальное.

– Отстань от меня, раз знаешь так много! – раздраженно отозвалась мама.

Но Митт продолжал расспросы, и в конце концов Мильда рассказала ему все, что знала.

Похоже, когда отец увидел, что в городе почти невозможно найти работу, он так озлобился на графа, что вступил в тайное общество мятежников. В Холанде было множество подобных кружков. Сын графа, Харчад, посылал своих солдат и шпионов выслеживать и ловить подпольщиков. Охота не прекращалась ни днем ни ночью. Но стоило ему найти одно тайное общество и перевешать его членов, как тут же возникало новое.

Мятежники, к которым примкнул отец Митта, звали себя обществом «Вольных холандцев». В него входили в основном рыбаки. Им казалось, что простой люд Холанда имеет право на лучшую и более справедливую жизнь. Они замыслили поднять весь город против графа, но, насколько женщина знала, никогда не шли дальше разговоров. Когда же ее и Митта выгнали с фермы, отец так рассердился, что попытался подвигнуть «Вольных холандцев» хоть на какие-нибудь действия. Почему бы им не поджечь один из складов графа, предложил он: пусть граф убедится, что намерения у них серьезные!

Канден и другие молодые заговорщики встретили его план на ура. Этак мы ударим графа по самому чувствительному месту – по кошельку, говорили они. Но те, кто постарше, а в особенности Сириоль, Дидео и Хам, выступили решительно против. Если поджечь склад, то люди Харчада начнут охоту на «Вольных холандцев», и как это поможет поднять город на мятеж и свергнуть графа? Заговорщики разделились. Часть «Вольных холандцев», самые молодые, отправились с отцом Митта поджигать склад. Старшие остались дома. Но когда мятежники пришли к складу, там их ждали люди Харчада. Сверх этого Мильда знала только, что кому-то все же удалось поджечь склад. А еще, что никто домой не вернулся – не считая Кандена, который сказал, что Сириоль, Дидео и Хам на них донесли. А Канден тоже погиб.

Митт подумал над маминым рассказом и спросил:

– Но почему Сириоль и остальные донесли?

Морщинка тревоги на щеке Мильды стала еще глубже.

– Потому что они боялись. Как и я.

– Боялись чего? – допытывался он.

– Вояк Харчада, – ответила Мильда, дрожа. – Они могут прямо сейчас прийти и постучать в нашу дверь.

Мальш задумался над тем, что ему было известно о солдатах. Они не такие уж страшные. Даже приводят тебя домой, когда находят бродящим по Флейту.

– А сколько всего солдат? Больше, чем всех остальных людей в Холанде?

Несмотря на все свое горе, Мильда улыбнулась. Митт с облегчением увидел, что складка у нее на щеке на миг снова превратилась в ямочку.

– О нет. Граф не может себе позволить так много. А за нами он вряд ли пошлет больше шестерых.

– Тогда, если бы все в этом доме или все жители Холанда были заодно, то они сумели бы помешать солдатам, правда? – поинтересовался Митт.

Мильда невольно рассмеялась. Она не могла объяснить, почему все в Холанде живут в страхе перед стражами и в еще большем страхе перед соглядатаями Харчада, поэтому сказала:

– Ах, Митт, ты у меня настоящая вольная птаха! Не знаешь, что такое страх... Как несправедливо, что Хадд и «Вольные холандцы» устроили нам такое, совсем несправедливо!

Мальчик понял, что ему удалось утешить мать. Он дважды прогнал с ее лица эту гадкую складку тревоги. А что еще лучше, он добился, чтобы Мильда утешала его, называя вольной птахой. Митт не был уверен, что понимает смысл этих слов. Ему и в голову не приходило, что мать об этом тоже понятия не имеет. Как бы там ни было, но «вольная птаха» – здорово звучало. И, стараясь быть достойным такого прозвища, он решительно сказал:

– Ну так больше не тревожься. Я о тебе позабочусь.

Она со смехом обняла его.

– Молодчина, мой Митт!

3

Удивительно, но за Мильдой и Миттом солдаты так и не пришли. Похоже, Дидео, Сириоль и Хам удовлетворились тем, что избавились от молодых лидеров «Вольных голландцев» и не потрудились включить в свой донос жен и родственников. Тем не менее Митту с мамой какое-то время приходилось трудно. Когда спустя примерно неделю Мильда отважилась вернуться на работу, то оказалось, что ее место уже занято. Сынишка страшно рассердился.

– В этом городе так заведено, – объяснила ему мать. – Здесь сотни женщин, готовых стирать пальцы до крови. А богачам занавески нужны вовремя.

– Почему? – спросил Митт. – Разве бедняки не могут собраться и сказать богачам, куда им проваливать?

Подобные вопросы и заставляли Мильду называть сына вольной птахой. Митт это знал и специально спрашивал о таких вещах. Было приятно чувствовать себя вольной птахой, которая не знает, что такое страх, пока мать ходила по разным мастерским. Сам Митт, голодный и несчастный, целыми днями крутился у черных дверей монетных лавок и рядом с доками, надеясь, что его пошлют куда-нибудь с поручением. Мальчику редко везло. Он был слишком мал, а в таких местах всегда болталась шайка более взрослых и быстрых городских ребят, которые отталкивали Митта и сами брались бежать с поручением. И конечно, они к тому же смеялись над чужаком. Но Митт говорил себе, что он – вольная птаха, это уж точно, и продолжал терпеливо ждать. Это очень ему помогало.

Ночами Митту снились ужасные сны. Например, что Канден снова шаркает на лестнице. А потом дверь распахивалась, и он видел Кандена, повисшего на косяке и медленно разваливающегося на части, как Бедняга Аммет в гавани. «Все погибли», – бормотал Канден, а куски от него все отваливались, и Митт просыпался с криком. И тогда он лежал и строго говорил себе, что не знает страха. Глубокой ночью в это не всегда верилось. Но иногда на крик сына просыпалась Мильда и рассказывала ему разные истории, пока он снова не засыпал.

Рассказы Мильды было интересно слушать. В них царили волшебство, приключения и сражения, а события происходили в Северном Дейлмарке в те стародавние времена, когда еще были короли. Хотя упоминались в сказках не только короли, но и графы, и простые люди тоже. Митт много размышлял о маминых историях. Он знал, что Холанд находится в Южном Дейлмарке, но этот Север, о котором говорила Мильда, казался настолько диковинным, что мальчик даже сомневался в том, существует ли он на самом деле.

– А на Севере и сейчас есть короли? – спросил он как-то раз, чтобы посмотреть на мамину реакцию.

Но Мильда знала о Севере до обидного мало.

– Нет, больше королей нет, – ответила она. – Я слышала, что на Севере у них графы, как и у нас, только те графы – борцы за свободу, каким был твой отец.

Митт не мог понять, как граф мог быть таким. А Мильда этого объяснить не могла.

– Знаю одно: я бы хотела, чтобы у нас снова были короли, – бросила она Митту. – От графов никакого толку. Посмотри на Хадда: мы, простые люди, для него лишь ходячая арендная плата. Стоит любому из нас попасть к нему в немилость, и он бросает такого человека в тюрьму, а то и хуже.

– Но он не может посадить в тюрьму всех! – возразил Митт. – Тогда некому будет ловить ему рыбу и шить одежду.

– Ох, ты – умница! – воскликнула Мильда.

Митт не мог сказать, когда или как это случилось, но во время этих ночных разговоров с Мильдой между ними было решено, что когда-нибудь он отомстит за своего отца и исправит все несправедливости, которые творятся в Холанде.

Наконец Мильда нашла работу в другой швейной мастерской, потому что была действительно очень хорошей вышивальщицей. Им удалось вовремя внести плату за комнату, так что хозяин их на улицу не выставил. Но еды все равно не хватало. Остаток своего недельного заработка Мильда потратила на пару туфель.

– Это ничего, что я их купила? – спросила она. – Я их случайно увидела. Миленькие, правда?

Митт остался бы голодным, если бы Сириоль, суроволицый доносчик, не отправил к ним свою дочь, Лидду, с корзинкой рыбы. Лидда была добродушная двенадцатилетняя толстушка. Она показала Мильде, как готовить рыбу, и ей очень понравились красивые новые туфельки. Наверное, она рассказала о них отцу. Но, по крайней мере, Митт и Мильда наелись, и даже на завтрак еще осталось. Женщина выставила рыбу за окно, чтобы не испортилась. Но ночью из стены напозли муравьи и все съели. Утром Митт полез за завтраком и нашел только крошечные косточки. Он печально взирал на них, когда Сириоль протопал по темной лестнице в своих деревянных башмаках и вошел к ним без приглашения.

– Смотрю, вы остались без завтрака, – сказал он. – Идемте-ка ко мне, там и поедим. И я думаю, Мильда, что пора мальчика приставлять к делу. Пусть ходит со мной в море. Я как раз подумывал взять ученика.

– Ну... – замялась Мильда.

– «Вольные голландцы» о своих заботятся, – заявил Сириоль.

Тут Митт совершенно потерял дар речи – он-то знал правду про Сириоля.

Мальчик мог только стоять и ждать, что мама откажется за него. К его изумлению, Мильда тепло улыбнулась Сириолу, несколько раз поблагодарила его и согласилась, чтобы сын плавал с ним.

– Я не хочу завтракать, – только и смог выдать Митт.

– Приходи ко мне через полчаса, – бросил Сириоль и протопал к себе.

Митт набросился на мать.

– Он же доносчик! – горячо крикнул мальчик. – Зачем ты согласилась?

Мильда пожала плечами, и складка у нее на щеке стала очень глубокой и горькой.

– Знаю. Но нам надо как-то жить. А кроме того, может, ты найдешь возможность сквитаться с ним, если будешь рядом.

Это Митта немного утешило. И когда у него появилась работа, они зажили намного лучше. Сириоль оказался очень щепетильным. Митт получал ученическую долю, так что, если улов был хорошим, он зарабатывал почти столько же, сколько Мильда. Это заставило его смириться со своей работой. Ему не нравилось рыбачить. Ему не нравился Сириоль. Он даже не знал, что ему не нравится больше.

Ловля рыбы представляла собой сочетание скуки, трудностей и отчаянных авралов. Сириоль был суровым и резким и требовал, чтобы все делалось как надо. Мальчик очень скоро понял, что ошибаться в море нельзя. В первый день он забыл свернуть канат в бухту, как ему показал Хам. Рыбак взял завязанный в узел конец злополучного каната и вытянул им Митта по спине. Тот гневно повернулся к нему.

– Работай, – бросил ему Сириоль. – Работай как надо. Или пеняй на себя. Когда-нибудь будешь мне благодарен.

Хотя Митт и был мал, он стоял вахты вместе с большим медлительным Хамом, напарником Сириоля. Он узнал, как штопать парус, чинить сети и потрошить рыбу. Сириоль и Хам научили его править шаландой – сначала днем, что было легко, а потом и ночью, когда находить дорогу приходилось по звездам или, если небо затянуто тучами, по натяжению парусов, по силе и направлению ветра и водному течению. Они научили его чутко приближение бури, чтобы не попасть в шторм. А еще Митт узнал, что такое цыпки и каково бывает подолгу мерзнуть в мокрой одежде. Он ненавидел все это, но накрепко заучил все премудрости морского ремесла, так что оно стало его второй натурой. И эти знания он пронес через всю жизнь.

Единственное, что удивило Митта, – это то, что море его совершенно не испугало. Он-то думал, что будет бояться. Когда он впервые неуверенно поднялся на «Цветок Холанда» и шаланда закачалась под ним, мальчик понял, что не тонет в пучине, как Старина Аммет, только благодаря разбухшим от соленой воды доскам. Ему пришлось очень строго напомнить себе, что он – вольная птица и не знает, что такое страх. Но потом «Цветок Холанда» вышел в море вместе с остальным рыбацким флотом, и Митт обо всем этом забыл. Плавание было просто работой, как шитье Мильды.

Оказалось очень здорово быть при деле и зарабатывать деньги, в то время как множество мальчишек постарше слоняются в гавани без работы.

Иногда, в погожие дни, когда шлюп Сириоля шел из гавани вместе с отливом, прогулочные лодки богачей тоже выходили в море из Западного затона. Западным затоном звали мелководную бухту сразу за Холандом, но плата за стоянку в ней была такая высокая, что причаливать там могли лишь очень состоятельные люди. Митту нравилось смотреть на эти кораблики. Но Сириоль и Хам, завидев их, презрительно сплевывали за борт.

– Игрушки богачей, – говорил Сириоль. – Чуть ли не выскакивают из воды – и это при таком-то слабеньком ветерке! Попади они в шквал, потонут через пять минут!

Уважением Сириоля пользовались только величественные торговые корабли. Стоило «Благородному Аммету» или изящной «Красотке Либби», покачиваясь, выйти из Холанда, как лицо Сириоля светлело – и лицо Хама тоже.

– О! – восклицал тогда Сириоль. – Вот это корабль!

И оглядывал свою пузатую и пропахшую рыбой шаланду так, словно разочаровался в ней.

* * *

После года рыбной ловли Митт уже не боялся городских мальчишек. Он почти не вырос – наверное, потому, что работа была слишком тяжелая, – но стал таким же крепким и сообразительным, как любой из его сверстников на берегу, а на язык – даже острее их. Он знал все ругательства, какие только существовали, и не лез за словом в карман. Теперь и мальчишки, и девочки относились к нему с уважением. По правде говоря, многие не прочь были подружиться с Миттом. Но тот их сторонился. Эти дети – или такие же, как эти, – портили ему жизнь, когда он только приехал в Холанд, и оказалось, что он все не может забыть. Ему больше нравилось проводить время в компании взрослых. На берегу и в море он отпускал такие шуточки, что медлительный великан Хам покатывался со смеху, и даже Сириоль улыбался. Митту это нравилось. Так он чувствовал себя взрослым и независимым.

И хорошо, что Митт был таким независимым.

Мильда совершенно не понимала, что значит жить по средствам. У нее вошло в привычку «случайно замечать» что-нибудь, когда она возвращалась домой с заработком. В одну неделю это оказывался огромный кекс в глазури, в другую – красивые сережки.

– Надо же как-то поддерживать самоуважение, – говорила она Митту, когда он пенял ей. – О меня тут постоянно ноги вытирают, и если я не смогу хоть чем-то себя подбодрить, то просто пропаду, непременно пропаду.

Может, и так, но если Мильда «случайно замечала» то, что стоило больше ее заработка, она не задумываясь брала и деньги Митта, когда того не оказывалось дома. Ему пришлось прятать свой заработок, иначе они голодали бы. Его ужасно угнетала эта ответственность.

Как-то вечером он вернулся домой совершенно без сил и обнаружил, что Мильда купила целый бочонок устриц. Это стало последней каплей. К тому же мать откупила бочонок и оставила его на солнце под окном. Устрицы уже пахли как-то странно, и муравьи ползли вверх по стенкам бочонка, намереваясь обследовать его содержимое.

– Зачем тебе понадобилось их покупать! – закричал Митт.

Мильда страшно обиделась.

– Ох, Митт! Я же хотела побаловать тебя лакомством...

– Но их же тут тысячи! – заорал он. – Как нам съесть такую уйму? Если тебе хотелось устриц, то я бы достал их. Даром, у Дидео! Честно, за тобой нужно смотреть, как за ребенком! Ты и дальше будешь такое вытворять?

– Говоришь точь-в-точь как твой отец, – холодно заявила Мильда. – Если хочешь знать, эти устрицы были очень даже выгодной покупкой: всего две серебряные монеты. Так что тебе бы следовало радоваться.

– Две серебряные монеты! – Митт воздел обветренные руки к потолку. – Это не выгодная покупка. Это грабеж среди бела дня, вот что это!

Митт, Мильда и муравьи ели устриц на ужин и на завтрак, а потом матери с сыном стало нехорошо, зато муравьи ничуть не пострадали. Хам помог Митту выбросить остаток устриц в гавань.

– А она взяла и заплатила за это две серебряные монеты! – ворчал мальчик.

– Не ругай ее слишком уж. Она привыкла к лучшему, – сказал Хам. – Твоя мама – милая и добрая женщина.

Митт воззрился на него.

– Если бы меня и без того не мутило, – воскликнул он, – то начало бы от твоих слов!

И он поплелся наверх, с отвращением бормоча себе под нос: «Милая и добрая женщина!»

Конечно, он понимал, что мать по-прежнему молода и хороша собой, даже несмотря на гадкую складку на щеке, где раньше была ямочка. И он знал, что она не такая, как те другие женщины из их дома, которые вечно крутятся на берегу и подлизываются к матросам, когда корабль приходит в гавань. Но чтобы Хам сказал такое! Митт не замечал, что Хам без ума от Мильды. Но он слишком неуклюж и робок и никогда не даст ей это понять. А Митту казалось, что все женщины рождаются дурами, а с возрастом становятся только глупее.

Альда, жена Сириоля, была хуже всех. Митт решил, что ему надо радоваться, что его мать не тратит всех денег на аррис, как Альда. Та обычно была слишком пьяной, чтобы торговать рыбой, которую вылавливали Сириоль, Хам и Митт. Она сидела на бочке в углу палатки, а Лидда, ее дочь, тупо стояла за горами рыбы, отдавая ее покупателям по слишком низкой цене. Это не давало Митту покоя.

Они в поте лица до полуночи вытаскивали сети под холодным дождем, а какая-нибудь домоправительница богатого торговца или щеголь из дворца только тыкали пальцем в гору ароматных снетков – и Лидда покорно снижала цену вдвое! Это было нечестно. Те, кому по карману заплатить полную цену, всегда покупали по дешевке. Но так уж было заведено в Холанде.

Наконец Митту стала невыносима покорная бесхребетность Лидды. Если уж продавать рыбу дешево, то, по крайней мере, достойным людям. Он оттер девушку в сторону и попробовал продавать рыбу сам.

– Харл... харл... хорошая пикша! Годится для графа – а отдается за грош! – Когда люди стали изумленно таращиться на него, Митт схватил пикшу и начал ею размахивать. – Харл... хорошая рыба. Ну же, покупайте! Графская рыба вас не слопают – это вы ее съедите. А вот граф... то есть краф... нет, краб! Кто хочет свежего графа на ужин?

Это было страшно весело – а рыба расходилась отлично.

После этого рыбу всегда продавал Митт. Лидда ее только взвешивала и заворачивала, а ее мать сидела на своем бочонке, смеялась словам Митта и дышала на покупателей перегаром. Мальчик очень уставал. Руки у него были все в цыпках и мелких порезах от рыбьей чешуи, зимой и летом, но дело того стоило – хотя бы потому, что он мог выкрикивать гадости про графа.

– Поосторожнее, Митт, – предупреждал Сириоль, когда слышал, как тот зазывает покупателей.

Однако торговать ему не запрещал.

Ведь вокруг их палатки всегда толпились смеющиеся покупатели. Даже дворцовые лакеи хихикали, когда делали покупки.

А однажды, как только «Цветок Холанда» вышел из гавани и никто не мог их услышать, Сириоль спросил Митта, не хочет ли он вступить в общество «Вольных голландцев». Митт был потрясен.

– Я должен подумать, – ответил он.

И следующим утром не пошел продавать рыбу, чтобы успеть домой и спросить Мильду, пока та не ушла на работу, что ему делать.

– Я ведь не могу вступить, правда? – допытывался он. – После того, что они сделали с папой?

Но Мильда кружилась по комнате, и юбки у нее надувались, серьги раскачивались, а ямочка на щеке так и играла.

– Вот твой шанс! – воскликнула она. – Разве ты не видишь? Вот твой шанс наконец с ними по квитаться.

– О да, – отозвался Митт. – Наверное.

Так он стал «Вольным голландцем», и это оказалось ужасно весело. Поначалу ему просто нравилось быть посвященным в тайну – и иметь свою собственную тайну насчет мести

за отца. Митт молча ухмылялся обеим своим тайнам, стоя за рулем «Цветка Холанда», и кружившие у него над головой звезды, казалось, искрились от смеха.

– А, заткнись, он нам пригодится, – отмахнулся Сириоль от Хама, когда Хам попробовал протестовать. – Кто станет присматриваться к парнишке, каких десятков на дюжину? Люди считают, что парнишки не в счет. Посмотри, что ему сходит с рук, когда он продает рыбу. Он меньше рискует, чем мы.

Доставка сообщений для «Вольных голландцев» стала для Митта настоящим блаженством. Он наслаждался, незаметно пробираясь по людным улицам. Как хорошо быть маленьким и неприметным и обманывать солдат и шпионов Харчада! Мальчик тщательно запомнил послание и ускользал, продав всю рыбу. Смешивался с толпой на улице, глазел на драку в переулке, болтался возле казарм, перебрасываясь шутками с солдатами, – и оставался вне подозрений. И больше всего забавлялся, попадая в облаву, когда солдаты перекрывали оба конца улицы и допрашивали всех подряд.

Харчад довольно часто приказывал устраивать такие проверки, не только для того, чтобы ловить заговорщиков, но и чтобы держать народ в страхе. В напряженной тишине, которую нарушал лишь стук солдатских сапог, его люди подходили к прохожим, обыскивали сумки и карманы, спрашивая каждого, что он делает на этой улице. Митт с удовольствием выдумывал себе какое-нибудь дело. И ему очень нравилось называть свое имя. Как великолепно было иметь самое распространенное имя в Холанде! Говоря совершенную правду, Митт мог назваться Алхамом Алхамсоном, Хамом Хамсоном, Хаммитом Хаммитсоном и Миттом Миттсоном или соединить эти имена как угодно. А в долгие скучные часы в море он забавлялся тем, что придумывал новые способы обмануть людей Харчада.

Единственное, что не нравилось Митту в обществе «Вольных голландцев», это собрания. Он никак не мог взять в толк, зачем они нужны. Когда новизна прошла, он начал зевать на собраниях до слез. Обычно «Вольные голландцы» собирались у кого-нибудь на чердаке или в сарае, часто даже без свечи, и Сириоль начинал говорить о тирании и угнетении. Потом Дидео заявлял, что вожди будущего придут снизу. Снизу чего? Митт не мог этого понять. Кто-то заводил длинную историю о несправедливости Хадда, потом другой начинал шептать всякие ужасы о Харчаде. И рано или поздно Хам принимался стучать кулаком по столу и восклицать:

– Мы смотрим на Север, вот что! Пусть Север покажет себя!

Когда Хам сказал это в первый раз, Митта пробрала дрожь возбуждения. Он знал, что Хама за такие слова могут арестовать. Но тот повторял их так часто, что они потеряли всякий смысл. Вскоре парень уже приходил на собрания только затем, чтобы поспать. В последнее время ему все никак не удавалось выспаться.

Митт почувствовал, что так не годится. Если он собирается отомстить «Вольным голландцам», ему нужно знать, что они замышляют.

– Что они все-таки делают? – спросил он как-то у Мильды. – Сплошное смотрение на Север, перешептывание о Харчаде или тирании и все такое. К чему все это?

Мильда нервно осмотрелась.

– Тише! Они собираются устроить мятеж или восстание... Я надеюсь.

– Что-то они с этим не спешат, – недовольно пробурчал Митт. – Да и вообще никаких планов не строят. Вот хорошо бы ты сама побывала на их собрании и попробовала разобраться.

Мильда рассмеялась.

– Я бы пошла – но готова спорить, что меня не примут.

Когда Мильда смеялась, морщинка на ее щеке снова уступала место ямочке. Митт всегда старался делать так, чтобы противная складка исчезла. Поэтому он добавил:

– Спорим, они тебя примут. Ты могла бы их немного расшевелить и заставить хоть что-то придумать. Меня уже тошнит от их вечной тирании и прочего! – И поскольку это заставило Мильду широко улыбнуться, Митт постарался задержать у нее на лице улыбку. – Вот что я тебе скажу, – продолжил он. – Я, конечно, отомщу им за донос, но хорошо бы насолить и старому Хадду тоже. Пусть заплатит за то, что столько лет вытирает о тебя ноги!

– Что за мальчик! Ты совсем не знаешь, что такое страх, правда?

Теперь и Мильда знала, что цель у сына двойная: уничтожить «Вольных холандцев» и избавить мир от графа Хадда. Митт не сомневался, что сможет сделать и то и другое. И Мильда тоже.

И она вступила в общество «Вольных холандцев».

Ее сын был в восторге. Он возлагал на это большие надежды. Мильда приходила на собрания и говорила не менее красноречиво, чем другие. Она обожала выступать. Ей страшно нравилось наклоняться вперед в слабом свете ночника и видеть вокруг себя в полутьме внимательные лица. Но привело все это только к тому, что Мильда стала такой же горячей сторонницей свободы, как и все остальные. Она твердила Митту о революции всякий раз, как он оказывался дома.

– Горелый Аммет! – с отвращением ворчал тот. – Теперь я все время провожу на собраниях!

Тем не менее беседы с матерью помогли ему лучше понять все, что происходит. Вскоре он уже мог рассуждать об угнетении и восстании, тирании и руководстве снизу. Причем со знанием дела. А поразмыслив на досуге – время для размышлений у него выдавалось, пока «Цветок Холанда» медленно, но упрямо трюхал к местам лова, – он пришел к выводу, что Дейлмарк делится на две части: Север, где народ свободен и счастлив, и Юг, где графы и богачи свободны и счастливы, но зорко следят за тем, чтобы простые люди вроде Митта и Мильды были как можно несчастнее.

«Хорошо, – сказал себе Митт. – Положим, так и есть. А теперь возьмемся за дело и как-то это изменим».

Однако было похоже, что «Вольных холандцев» вполне устраивает пустая болтовня, и Митт начал все сильнее на них досадовать. Он очень обрадовался, когда другое тайное общество убило четырех соглядатаев Харчада. А вот Сириоль был недоволен. Рыбак с мрачным удовлетворением сообщил Митту, что теперь дела пойдут гораздо хуже. Так оно и получилось.

Граф ввел комендантский час. Всех, кто оказывался на улице после наступления темноты, куда-то уводили, и больше их никто не видел. Сириоль запретил передавать сообщения, пока действует комендантский час. Митт не мог взять в толк почему.

Однажды вор попытался ограбить человека в гавани. Он сбил его с ног и как раз отбил у него кошелек, когда обнаружил на внутренней стороне его куртки золотой значок с изображением снопа пшеницы – гербом Холанда. Вор знал, что такой значок Харчад дает всем своим шпионам, и так перепугался, что прыгнул в воду и утонул. Митт в этой истории ничего не понял.

– Ну, если ты сам не догадываешься, я тебе объяснять не стану, – только и сказал Сириоль.

А потом граф Хадд поссорился сразу с четырьмя другими графами. Весь Холанд застоялся. Несмотря на всеобщую ненависть к Хадду, его склочность вызывала почти что восхищение.

– Опять поссорился с графом Хендой, а? – говорили женщины в швейной мастерской Мильды. – Право, другого такого злыдня на всей земле не сыщешь!

Однако на этот раз Хадд испортил отношения не только с Хендой, но и с графами Кандерака, Уэйволда и Дермата. А эти графы были настолько влиятельными и владели такими огромными землями, что в Холанде даже засомневались, выстоит ли Хадд против них.

– На этот раз старый греховодник уж точно откусил больше, чем сможет проглотить, – сказал Митту Дидео. – Тут-то и наступит время «Вольных голландцев».

Митт очень на это надеялся. Однако Харл, старший сын Хадда, подсказал отцу, как справиться с четырьмя графами, чем и привел в восторг родителя. Хотя Харл и был жирный и ленивый, иногда его все же видели с братом Нависом, толпой загонщиков, слуг и собак: он выходил на равнины Флейта, чтобы пострелять птиц из длинного ружья с серебряными насечками. Харлу, как сыну графа, разрешалось иметь ружье. Остальным, за исключением лордов и их дружинников, это запрещалось, из-за того что на Юге было так много мятежей. Большие корабли вооружались пушками, чтобы защищаться от флота Севера, но в целом огнестрельное оружие было под запретом. Вот Харл и предложил вооружить ружьями всех солдат. Тогда четыре графа не раз подумают, стоит ли нападать на Холанд.

Хадд согласился, и это положило конец надеждам Митта и всех прочих «Вольных голландцев». Сразу же повысили налоги, пошлины и ренту. Жители Холанда неохотно признали, что Хадд за себя постоять умеет.

– Это неправильно! – заявил Хам. – Если люди Харчада получают ружья, они станут в десять раз хуже, чем сейчас. Но нельзя не восхититься Хаддом.

Но граф предпринял и дополнительные меры предосторожности.

Побережье к северу от Холанда принадлежало к Кандераку, и у тамошнего графа был довольно крупный флот, который он мог в случае необходимости послать против Холанда. У Холанда тоже имелся флот. Но чтобы себя обезопасить, Хадд помолвил свою внучку Хильдриду с владельцем Святых островов к северу от Кандерака. Святые острова славились своими кораблями. Как сказал Хаму Сириоль, флот Святых островов – наверное, главная причина, почему Север все никак не мог покорить Юг и дать всем свободу.

Мильда, которая с тремя другими женщинами вышивала синими и золотыми розами большое покрывало, думала о другом. Одна из вышивальщиц сказала, что Литару, лорду Святых островов, двадцать лет. А вторая добавила, что Хильдриде Нависдоттер не больше одиннадцати.

Мильда вспомнила, что когда-то интересовалась Нависом и его семьей.

– Раз так, это совершенно несправедливо! – с жаром воскликнула она.

4

Хильдрида Нависдоттер тоже находила это совершенно несправедливым. Сначала она решила, что провинилась. Они с братом, Йиненом, отправились кататься на яхте. Им надоело слышать, что они слишком малы, чтобы выходить на лодке одним, надоело чопорно плавать вдоль берега, когда судном правят нанятые графом матросы. Йинену хотелось самому стоять у штурвала. Так что они незаметно улизнули и позаимствовали яхту своих кузенов. Это было необычайно здорово – и к тому же страшно. Йинен почти положил яхту на бок у самого выхода из Западного затона, пока не приноровился к ветру. И они дважды чуть не сели на мель сразу за затоном. Однако брат и сестра справились. И привели яхту назад. Даже о причал не стукнулись.

А потом, как только они вернулись во дворец, Хильди вызвали к отцу. Естественно, она решила, что тот узнал об их плавании.

«Это уж слишком! – думала Хильдрида, пока на нее надевали нарядное платье и причесывали спутанные ветром волосы. – Я буду очень зла. Скажу, что нам никогда ничего не разрешают делать. А еще, что во всем виновата я, и не позволю, чтобы он наказал Йинена. И если мы и утонем, так это не важно. Ведь мы никому не нужны!»

Фрейлина, которая за руку вела Хильдриду по изукрашенным коридорам в комнаты Нависа, решила, что девочка прослышала, какая участь ей уготована. Дама еще никогда не видела ее такой бледной и гневной и не завидовала Навису.

Навис прекрасно знал, что у его дочери трудный характер. Когда Хильди привели к отцу, он сидел на подоконнике с книгой в руках. Его спокойный профиль четко вырисовывался на фоне равнины Флейта, глаза были устремлены на песню Адона. Хильдриду это раздосадовало. Фрейлины говорили ей, что Навис все еще горюет о ее покойной матери, но девочке в это не верилось. Она считала Нависа самым холодным и ленивым человеком из всех, кого она знала.

– Я здесь, – пронзительно выкрикнула девочка, чтобы немного его расшевелить, – и мне ничуть не жаль!

Навис чуть заметно вздрогнул, но продолжал внимательно смотреть в книгу. Однако он, как и фрейлина, решил, что Хильдрида уже узнала о своей помолвке, – и почувствовал искреннее облегчение.

– Что ж, если тебе ничуть не жаль, то, надо полагать, ты рада. Кто бы тебе ни проговорился, он избавил меня от хлопот. Теперь можешь идти – и хвастаться, если пожелаешь.

Хильди очень удивилась, не получив взбучки. Однако ей показалось, что отец, как всегда, от нее отворачивается, а ей хотелось с ним повоевать.

– Я никогда не хвастаюсь, – заявила она, – хотя и могла бы. Мы ее не утопили.

Нависа это удивило настолько, что он оторвал взгляд от книги и посмотрел на Хильди.

– О чем ты говоришь?

– А почему ты меня вызвал? – парировала Хильдрида.

– Ну, чтобы сообщить, что тебя помолвили с лордом Святых островов, – ответил отец. –

А ты как думала?

– Помолвили? – ахнула Хильди. – Не спросив меня?

Это было таким потрясением, что на секунду она совершенно забыла о своей проделке.

– Почему мне не сказали?

Навис глянул на дочь. Та разве что не побелела от гнева.

– Я и говорю тебе, прямо сейчас. – Он поспешно взялся за книгу.

– Когда уже слишком поздно! – воскликнула Хильдрида, прежде чем он успел снова погрузиться в чтение. – Когда все уже решено. Ты мог бы спросить меня. Хоть я и маленькая, но я ведь тоже человек.

– Все мы люди, – отозвался Навис, безнадежно пытаясь вернуться к чтению.

Он уже жалел, что взялся за Адона. Тот писал вещи вроде «Истина – огонь, что гром приносит», а это неприятно походило на характер его дочери.

– К тому же теперь ты очень важная персона, – добавил отец. – Ты укрепляешь наш союз с Литаром.

– И какой он, Литар? Сколько ему лет? – не унималась Хильдрида.

Навис нашел нужное место и прижал к нему палец.

– Я видел его всего один раз. – Он не знал, что еще сказать. – Это очень молодой человек – ему всего лишь около двадцати.

– Всего лишь!.. – Хильди на мгновение онемела. – Не хочу быть помолвленной с таким стариком! Я слишком маленькая. И никогда его не видела!

Навис поспешно поднял книгу, спрятав за ней лицо.

– Время исправит и то и другое.

– А вот и нет! – бушевала Хильдрида. – А если ты не перестанешь читать, то я... я... я тебя ударю, а потом порву книгу!

Осознав, что пришло время решительных мер, Навис снова положил книгу.

– Хильди, послушай. Такова судьба всех в нашей семье. Твою кузину Хариллу помолвили с графом Марки, а эту... как ее... дочь Харчада... с лордом...

Девочка прервала его пронзительным воплем. Ее отец может сколько угодно называть ее «Хильди» – обычно это делал только Йинен, – но мысль о том, что ее равняют с гадкими кузинами, была уже совершенно невыносима.

– Изволь меня распомолвить! – потребовала она. – И немедленно, иначе пожалеешь!

– Ты же знаешь, что я не могу, – покачал головой отец. – Это сделал твой дед, а не я.

– Что ж, тогда он тоже пожалеет! – объявила Хильди и направилась к дверям.

Навис окликнул ее. Ему легче было обращаться к ее спине.

– Хильдрида! Не устраивай недостойной сцены, будь добра. Это ничего не изменит. Я советую тебе вместо этого пойти в библиотеку и почитать о Святых островах. Ты убедишься, что там довольно много любопытного.

Дочь приостановилась, взявшись за ручку двери. Острова – это места, окруженные водой, кажется, так? Возможно, ей удастся извлечь из этого известия хоть какую-то пользу.

– Мне следует научиться ходить под парусом, если я поеду на Святые острова?

– Да, наверное, – ответил Навис. Немного успокоенный тем, что дочь перестала бушевать, он добавил – Но ты не поедешь туда еще несколько лет.

– Тогда у меня есть время, чтобы научиться, – объявила Хильди. – Если я обещаю не устраивать шума, ты купишь мне собственную яхту?

– Э-э... если хочешь.

– Хочу. Но ты должен подарить эту яхту и Йинену тоже, потому что он никогда ничего не получает, – потребовала Хильди. – Иначе я устрою скандал дедушке и шум на весь дворец.

В эту минуту ее отцу хотелось только одного: снова остаться один на один со своей книгой.

– Да-да. Если ты сейчас уйдешь, как хорошая девочка, и не будешь устраивать сцену, то вы с Йиненом получите самую лучшую лодку, какую только можно купить за деньги. Это тебя устроит?

– Спасибо, папа, – чопорно и с горечью поблагодарила Хильди и удалилась.

Прислуга держалась от нее подальше.

Даже ее кузины, увидев, как Хильдрида, бледная и прямая, шагает по коридорам с лицом, похожим на маску, поняли, что лучше ей на глаза не попадаться. Все знали, что Хильдрида унаследовала характер от своего дедушки Хадда. Только Йинен осмелился к ней подойти, но и он не решился сказать ни слова. Девочка прошествовала к себе в комнату. Там она собрала все ценное, начиная с позолоченных часов и кончая ночным горшком, расписанным золотом, сложила все в кучу на полу и разбила кочергой. Йинен сидел на подоконнике и вздрагивал при каждом ударе. Он не решился заговорить с сестрой, даже когда та отшвырнула несколько погнувшуюся кочергу и уселась за туалетный столик, где долго и внимательно рассматривала в зеркале свое худое бледное лицо. Она специально для этого оставила зеркало целым.

– Я человек, – проговорила она наконец. – Так ведь?

– Да, – осторожно отозвался Йинен. – Что случилось?

– Я не вещь! – объявила Хильди. – А случилось то, что я помолвлена. И никто мне не сказал. Будто я – вещь. Как ты думаешь, мне следует сидеть тихо, не обижаться и быть вещью? Кузин тоже помолвили.

– Они устроят шум, – предсказал Йинен. – Тебе запретили выходить в море?

– Нет, – усмехнулась сестра. – Мы с этого получаем яхту. С острова на остров ведь надо как-то перебираться. Пожалуй, теперь я пойду в библиотеку.

Она встала и отправилась исполнять задуманное. Йинен пошел с ней. Брат все еще ничего не понимал, но он к этому привык. Надо только потерпеть – рано или поздно он все равно услышит об обещанной яхте.

Через застекленный купол в высоком своде библиотеки лился свет. Хильдрида в просторном, сложенном из пятнистого мрамора помещении казалась себе крохотной. В сопровождении Йинена она прошествовала к библиотекарю.

– Дайте мне все книги про Святые острова, какие у вас есть.

Несколько удивленный, библиотекарь отправился выполнять. Вскоре он вернулся с одним большим старинным томом и одним небольшим и довольно новым.

– Вот. Боюсь, это не так уж много. Советую вам взять маленькую книгу. Ее легче читать, и в ней есть картинки.

Хильдрида бросила на него презрительный взгляд и взяла большой том. Она прошагала к ближайшему столу и открыла книгу. Растерявшийся библиотекарь отдал меньший томик Йинену и оставил их в покое.

– В этой книге одни картинки, – грустно объявил мальчик. – Прочти мне твою.

– Помолчи, – сурово бросила Хильдрида. – Мне надо сосредоточиться.

Но ей не хотелось, чтобы брат покорно сидел рядом и скучал, и потом, книга оказалась сложной, старинной – а такое легче понять, читая вслух. И она начала:

– «И воистину, люди говорят, что Святые острова из всех марок Юга – единственное место, где обитает волшебство».

– Здорово, – сказал Йинен. – А что такое марки?

– Так раньше называли графства. Молчи. «Легенды тех краев повествуют о заколдованном быке, что появляется неведомо откуда то на одном острове, то на другом. Некоторые сказания утверждают, что этот зверь исполняет желания и встреча с ним предвещает очень большую удачу. Далее, в ясную погоду между островами слышна бывает свирель, звонкая и приятная для слуха, но свирельщика увидеть нельзя. И эта свирель, как и бык, переходит с острова на остров. Многие ее слышали, и многие добрые корабли потонули, следуя за ее пением. И там же являются людям кони морские, а порой, говорят, и само море – в образе старика-островитянина. Обычно старик любезно беседует с теми, кто его встречает, но иногда бывает груб и зол. Никто не усомнится, что Святые острова – красивая земля, добрая, плодородная и полная удобных бухт».

– Звучит чудесно, – вздохнул Йинен. – Мне бы хотелось туда попасть.

Хильди закрыла книгу.

– Попадешь, – пообещала она. – Ты сможешь поехать со мной, когда я туда отправлюсь. Наверное, я все-таки не стану устраивать недостойную сцену. Я – важная персона. В Марке ведь волшебных быков нет, правда?

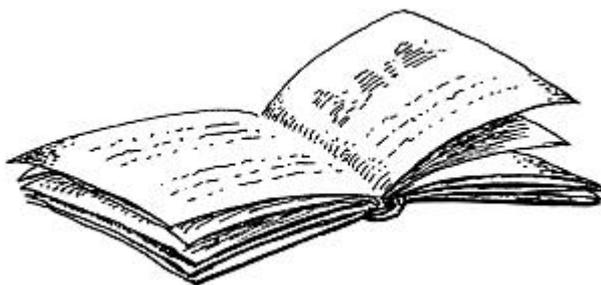
– Никогда о них не слышал, – подтвердил Йинен. – А когда мы получим яхту?

– Точно не знаю. Но отец обещал.

Позже в тот же день их кузина Харилла узнала о том, что помолвлена с лордом Марки и повалилась навзничь на лестнице, барабанив пятками и вереща. Фрейлины с нюхательными солями устроили над ней настоящий переполох. Хильди улыбнулась. Это была сухая, натянутая улыбка, но очень горделивая. А по мере того, как ее четыре остальные кузины по очереди узнавали о своих помолвках и следовали примеру Хариллы, улыбка становилась все более и более высокомерной. Она по-прежнему не радовалась своей помолвке, но, когда в Западный затон привели яхту «Дорога ветров», Хильдрида почти утешилась.

Навис сдержал обещание. Конечно, ему рассказали о разбитых украшениях, но, зная характер дочери, он посчитал, что та проявила огромное самообладание. «Дорога ветров» оказалась вдвое больше лодки кузенов: Навис решил, что его детям еще рано плавать в одиночку, поэтому он предусмотрел место для команды. Яхта оказалась настоящей красавицей – от золотых колосьев пшеницы, вырезанных у нее на носу, до розовых яблок, украшавших корму. Корпус у нее был синий, надстройка – белая с золотом, паруса – белоснежные. И к радости Йинена, на ней было два фока. По правде говоря, Хильди подумала, что выражение безграничного счастья на лице брата стоит любых помолвок.

5

Той осенью, когда праздничная процессия, трещащая, стучащая и цветастая, двинулась к гавани, чтобы утопить Старину Аммета, ее охраняли солдаты с новыми ружьями. Митт не хотел на них смотреть. Каждый фестиваль приносил ему ночные кошмары, в которых Канден подходил к двери их комнаты и разваливался на куски. Однако их дом находился так близко от гавани, что не увидеть процессию было крайне сложно. В этот год к ним пришел Дидео: он высунулся из окна между Миттом и Мильдой и стал с завистью глазеть на новые ружья.

– Штука, которую в них засовывают, может разнести человека на куски, если знать, как ее применить, – объяснил он. – Когда-то я ходил в море с парнем, который где-то ее добывал. Мы ею для промысла пользовались. Хотя, может, по отношению к рыбе это и нечестно. Но бомбы я с тех пор делать умею. И я как раз думал, что если бы бомбу бросить во время шествия Аммета, то можно было бы в один миг и избавить мир от Хадда, и устроить восстание во всем Холанде.

Митт с матерью обменялись изумленными взглядами поверх корявой шляпы Дидео. Вот оно! Какая мысль! Они принялись возбужденно ее обсуждать, как только шествие закончилось и Дидео ушел.

– Если бы ты смог достать бомбу и бросить ее в старого Хадда... бомбы ведь бросают, да? – говорила Мильда, – то ты мог бы крикнуть, что тебе велели это сделать Дидео и Сириоль.

– Меня могут не услышать, – возразил Митт. – Надо, чтобы меня поймали. А во время допроса я скажу Харчаду, что меня подучили «Вольные голландцы». Но как нам заполучить эту ружейную штуку?

– Достанем, – ответила мать. – Придумаем как. Но тебе надо это сделать, пока ты еще мал и тебя нельзя повесить. Я не вынесу, если тебя повесят!

Она пришла в такое возбуждение, что пошла и потратила остатки своего заработка на фрукты и сладости, чтобы отпраздновать.

Митт посмотрел на связки яблок в карамели так же кисло, как Сириоль, и вздохнул. Было ясно, что затею с бомбой придется отложить, пока он не заработает достаточно денег, чтобы арендовать для Мильды новую ферму, иначе она умрет с голода, если его арестуют. Наверное, к тому времени он станет таким же старым, как Дидео, а то и старше.

Но вышло по-другому. Неделю спустя Митт пришел домой, распродав всю рыбу, – вонючий, склизкий и посиневший от холода. Ему хотелось одного: лечь в постель. Но к его досаде, у матери оказался гость – кряжистый серьезный мужчина, выражение лица которого что-то Митту напомнило. Или кого-то. Одежда на нем была гораздо более приличная, чем та, которую обычно носили прибрежные жители. Больше всего раздосадовало мальчика то, что на этот раз мать потратила свой заработок на бутылку кандеракского вина для гостя. Митт остановился в дверях, возмущенно глядя на него.

– О Митт! – радостно воскликнула Мильда. Она была очень хорошенькая, и на ее щеке снова появилась ямочка. – Ты помнишь Кандена?

Митт конечно же помнил Кандена – даже слишком хорошо. Его до сих пор, с того злополучного фестиваля, преследовали кошмары о нем. Когда Митт услышал имя Кандена, ему пришлось изо всех сил вцепиться в дверной косяк, чтобы не упасть. Мильда, совершенно не подозревая о его чувствах, продолжала:

– Ну так вот это – брат Кандена, Хобин. Он приехал из Уэйволда. Хобин, это мой сын, Митт.

Гость улыбнулся и направился к Митту, протягивая ему квадратную, мозолистую руку. Тот содрогнулся, сжал зубы и протянул в ответ ладонь, пропахшую рыбой.

– Я весь в рыбе. – Мальчик надеялся, что гостю не захочется до него дотрагиваться.

Однако теплая квадратная рука обхватила его ладонь и пожала.

– Я знаю, каково бывает прийти с работы грязным, – улыбнулся Хобин. – Сам я оружейник, и порой мне кажется, что я никогда не ототру сажу. Иди мойся и не обращай на меня внимания.

Митт неуверенно улыбнулся. Он понял, что брат Кандена – славный малый. Хотя брат его от этого не перестал быть ночным кошмаром. Митт пошел к стоявшему в углу ведру, чтобы умыться, втайне надеясь, что Хобин вернется обратно в Уэйволд и больше его в Холанде не увидят.

Эта надежда развеялась почти мгновенно.

– Да, у меня славный домик на улице Флейт, – говорил Хобин Мильде. – Внизу мастерская, а наверху большие жилые комнаты. Граф Хадд принял меня хорошо.

Митт понял, что Хобин приехал жить в Холанд. Он пришел в такое отчаяние, что громко спросил:

– И кого граф Хадд выгнал оттуда, чтобы хорошо вас принять?

– Ох, сынок! – воскликнула Мильда, а потом сказала Хобину: – Не обращайтесь на него внимания. Он – вольная птаха, мой Митт.

Митт пришел в ярость. Она не имела права говорить незнакомцу такие личные вещи.

– Да, – сказал он. – Мы тут для вас слишком бедные и простые, верно?

И чтобы Хобину не захотелось снова их навещать, он принялся ходить по комнате, бормоча самые гадкие ругательства. Это явно встревожило Хобина. Он все время бросал на Митта озабоченные взгляды. Мильду поведение мальчика тоже беспокоило. Она беспрестанно извинялась за сына, отчего тот злился еще сильнее. Когда Хобин наконец протянул руку, чтобы попрощаться, Митт повернулся к нему спиной и сделал вид, что ничего не заметил.

– Зачем ты так себя вел, Митт! – укорила Мильда сына, когда Хобин ушел. – Разве ты не понял? Он же оружейник! И видно, что он любил Кандена. Если бы только мне удалось

уговорить его присоединиться к «Вольным голландцам», то мы получили бы бомбу – или даже ружье, что еще лучше. Тогда ты смог бы застрелить Хадда прямо из этого окна!

Митт только хмыкнул. Уж лучше отнять ружье у солдата на улице, чем получить его от брата Кандена.

К глубокому огорчению мальчика, Хобин снова зашел к ним – и не один раз. Потребовалось много месяцев таких визитов, чтобы Митт смог забыть о том, что у Хобина был брат, который в его кошмарах распадался на куски. А когда все-таки забыл, то обнаружил, что Хобин ему нравится. Тем временем оружейник твердо, но очень добродушно сопротивлялся уговорам Мильды стать борцом за свободу. Он соглашался с тем, что графы превращают жизнь народа в страшную муку. Как и с тем, что дела в Голландии идут плохо. И на налоги жаловался не меньше других. Однако говорил, что не признает борьбы за свободу. Он называл Кандена – печально, но довольно сурово – мальчишкой, игравшим с огнем. А когда Мильда горячо выступала против несправедливости, улыбался и говорил, что в ее положении это можно понять. Спустя некоторое время Хобин начал добродушно выговаривать ей за то, что она покупает для него вино, которое ей не по средствам.

Зимой Хам становился день ото дня все мрачнее. Митт не мог понять почему – до одного весеннего утра, когда «Цветок Голландии» скользил по воде, выходя из гавани с отливом.

Сириоль сказал:

– Твоя мать собирается выйти замуж за этого Хобина?

– Нет! – возмущенно воскликнул Митт.

– Для дела будет хорошо, если она выйдет, – заметил Сириоль.

Хам вздохнул и великодушно поддержал поделщика.

– И для нее тоже. Хобин – человек приличный.

Мальчик пришел в ярость. И когда Сириоль и Хам оказались правы, он затаил на них еще одну обиду. На свадьбе Митт бормотал себе под нос, что сквитается с Сириолем и Хамом за это, пусть даже ценой своей жизни. С прошлого фестиваля он привык к мысли, что у него нет будущего, – вот подложит бомбу под графа Хадда, и все. В свадьбе его радовало одно: теперь он будет жить рядом с запасами пороха.

Мильда с Миттом переехали в дом на улице Флейт, немного к западу от берега. Это была хорошая постройка, хотя и небольшая и облупившаяся. Даже имелся двор с катком для белья, а на грязной кирпичной стене была закреплена мишень – там Хобин пристреливал ружья, которые делал. Митта это чрезвычайно заинтересовало.

Впервые за много лет у мальчика появилась отдельная комната – и, хотя гордость не позволяла в этом признаться, ему было там очень одиноко. Его мать бросила работу вышивальщицы и сновала по четырем комнатам верхнего этажа, напевая и смеясь, и горестная морщинка, похоже, навсегда исчезла с ее лица. Митту было грустно видеть это: ему самому удавалось развеселить мать только изредка – а вот Хобин сделал ее счастливой. Хобин предложил отправить Митта в школу, но мальчик предпочел продолжить работу. «Вольным голландцам» не будет проку от мальчишки, который целыми днями сидит за уроками. И потом, Митту казалось, что борьба за свободу оставалась последним звеном, соединявшим его с Мильдой.

Именно тогда Хобин продемонстрировал неожиданную строгость.

– Ты дурак, Митт, – сказал он. – У тебя есть мозги, и тебе следовало бы научиться ими пользоваться, а не тратить свое время на болтовню о свободе с кучкой лодочников, которые даже не понимают значения этого слова. Когда ты вырастешь и станешь мужчиной, ты пожалеешь, что не занялся настоящим делом.

Такие доводы всегда звучат неприятно. Митт ерзал на месте и молчал. Мальчик мог бы сказать, что вырасти ему не суждено, ведь он убьет графа Хадда, – но под взглядом серьезных голубых глаз отчима ему не хотелось это делать.

– Ну, если уж тебе обязательно нужно работать, – сдался Хобин, – то ты можешь выполнять одну работу – и только одну. Например, учиться у меня моему делу, или делу Сириоля у него, или продавать рыбу. Но нельзя делать больше одного.

Митту страстно хотелось продавать рыбу и дальше.

Ему нравилось выкрикивать гадости о Хадде. Это даже веселее, чем обманывать солдат Харчада. Что до рыбной ловли, то он радовался любому предлогу, чтобы ею не заниматься. С другой стороны, мальчик понимал, что у него будет гораздо больше возможностей заполучить немного пороха, если он станет учеником Хобина. Он помялся, глядя в пол, и наконец сумел справиться со своим раздражением настолько, чтобы неохотно проговорить:

– Тогда я буду учиться твоему делу.

– Умница, сынок! – воскликнула Мильда и радостно его обняла.

Митта это немного утешило. Однако он испытал неожиданную неловкость, когда Хобин пошел с ним к Сириолю домой, чтобы объяснить с рыбаком и выкупить у него остаток его ученичества. Альда обхватила Митта обеими руками и запечатлела на его щеках пропахшие аррисом поцелуи. По лицу Лидды медленно катились слезы.

– Мне будет не хватать тебя за прилавком, – призналась она.

К этому Митт был готов. А вот к чему он не был готов – так это к выражению разочарования и огорчения, которое появилось на лице Сириоля.

– Как я раньше не понял, что оно так выйдет, – сказал рыбак, доставая бутылку арриса и наливая всем по стакану, из чего Митт понял, что нынче – особый случай.

– Да, мог бы и раньше догадаться, – повторил Сириоль, когда они все в напряженной тишине сидели за столом. – На твоей стороне право, Хобин, и Митт заслуживает лучшего ремесла, чем ловля рыбы. Хотя мне это нелегко – ведь у меня нет собственного сына.

Хобин явно смутился. Лидда и Альда плакали. Митт ерзал на стуле. «Я из-за этого чувствовал себя каким-то склизким, – признался он потом Мильде. – Словно весь вымазался в рыбной требухе. И я ненавижу вкус арриса».

Сириоль принес мятый лист бумаги, который два года назад за Митта подписала Мильда. Сначала он отказывался взять за него деньги. Хобин настаивал. Все чувствовали себя все более неловко, пока не позвали Хама в свидетели договора. Хам хлопнул Хобина по плечу и очень долго тряс Митту руку. Мальчик даже испугался, что не сможет больше ею работать. И вообще Хам держался так весело и был так рад за Митта, что вся неловкость исчезла. Все выпили еще по стакану арриса, а Митт тайком перелил свою порцию Альде. Потом они с Хобином ушли.

– Но мне действительно неприятно, правда, – поделился с мамой Митт. – Как будто я обязан сказать им, что нам нужен порох.

– А почему бы и впрямь не сказать им об этом? – отозвалась Мильда. – Дидео знает, как делать бомбы. Так что неплохо заставить их помогать нам.

– Ты хочешь сказать – привлечь «Вольных холандцев» к этому делу? – переспросил Митт.

Ему показалось, что это хорошая мысль.

К несчастью, в эту минуту вошел Хобин, который услышал слова «Вольные холандцы». И он снова продемонстрировал неожиданную твердость.

– Я не желаю, чтобы в доме шли разговоры о борьбе за свободу, – заявил он. – Глупые шпионские шуточки! И не думайте, будто я боюсь Харчада. Он прекрасно знает, что я могу вернуться в Уэйволд, если захочу. Меня просто достает, что эти лодочники никак не хотят

повзростеть. Для них это игра, как было и для Кандена. И в моем доме никто в эту дурацкую игру играть не будет!

Митт с Мильдой смогли продолжать свои разговоры только тайком, урывками, либо когда Хобин уходил в гильдию оружейников. Но на следующее собрание «Вольных холандцев» Митт выбраться сумел. Для этого пришлось наврать Хобину, а мать его поддержала. На собрании он изложил им свой план: он украдет достаточно пороха, чтобы сделать бомбу, и бросит ее в Хадда, когда тот в следующий раз понесет Старину Аммета в гавань.

Это предложение было встречено изумленным молчанием. Его нарушил Хам, который укоризненно сказал:

– Я радовался за тебя не из-за пороха, Митт. Надеюсь, ты так не подумал.

– Странно. А я был уверен, что ты этого от меня и ждал, – отозвался Митт, которому всегда трудно было удержаться, чтобы не поддразнить Хама.

– Ну, Митт... – начал Хам.

– Тихо, – сказал Сириоль. – Научись понимать шутки, Хам. Митт, это опасно. Очень опасно. Тебя арестуют.

Для осторожного Сириоля это было очень много: он согласился хотя бы всерьез обдумать план. Страшно обрадованный, Митт поспешил заверить его, что не собирается дать себя арестовать.

– А что, если на мне будет желтое с красным, как на дворцовых мальчишках? Они не поймут, кто я, пока не станет слишком поздно. И я умею бегать.

– Знаю, что умеешь, – отозвался Сириоль. – Но ведь твоя мать на такое не согласится, правда?

– А вы спросите у нее, – предложил Митт. – Только когда Хобина рядом не будет. Она сошьет мне костюм – если мы достанем материю.

Сириоль задумался – надолго и глубоко.

– Митт похож на всех остальных мальчишек, – вступил в разговор Дидео. – Я частенько и сам кого-нибудь за него принимаю. С превеликой охотой сделаю бомбу.

По правде, всем «Вольным холандцам» затея понравилась. Они подались вперед, тихо переговариваясь в тусклом свете ночника.

– Бум! И Хадд взлетает на воздух! – говорил кто-то. – Здорово!

– И весь Холанд поднимается по нашему призыву, – добавил другой. – Сириоль, Митт и впрямь может справиться с этим делом.

– Тихо! – потребовал Сириоль. – Я знаю, что может. Но потом ему надо будет унести ноги. А это нужно как следует спланировать.

Митт примчался домой на улицу Флейт в полном восторге.

– У нас получилось! – прошептал он Мильде, которая встретила его на лестнице. – Все решено!

– И ты ничуть не боишься? – изумленно выдохнула мать.

– Нисколечко, – ответил Митт.

И это была правда. Мальчик не боялся, он только и думал, что о своем будущем подвиге.

«Вольные холандцы» начали строить планы – тщательно и неспешно, как всегда, когда за дело брался Сириоль. А Митт и Мильда строили свои планы. И все они очень скоро поняли, что во время ближайшего фестиваля бросить бомбу не получится. Как и сказал Сириоль, им необходимо точно выяснить, каким путем движется процессия и когда именно Митту безопаснее всего действовать. И продумать пути бегства, и подготовить убежища в разных местах.

Поскольку Митт не собирался сбегать, то он не слушал Сириоля, когда тот говорил об этом. Но, проработав неделю учеником Хобина, понял, что ему понадобятся годы для

того, чтобы украсть достаточно пороха на бомбу. Хобину выдавалось очень мало взрывчатого порошка – ровно столько, сколько нужно для испытания ружей, которые он изготавливал. Оружейные инспекторы Харчада приходили каждую неделю и строго следили, не осталось ли лишнего пороха. Иногда они могли нагрянуть неожиданно. Инспекторы взвешивали порох и пересчитывали ружья, и, если где-то не хватало их печати, оружейнику не разрешалось работать. Это страшно раздражало Митта, хотя Хобина, похоже, не трогало. Он пересучивался с людьми графа так, словно они были друзьями.

Вскоре мальчик выяснил, что порох изготавливается из трех составных частей, которые Хобин тщательно смешивал сам. Одной из них был древесный уголь. С ним проще всего: Дидео легко мог достать его. А вот серу и селитру можно было только украсть. Митт предполагал, что их как-то изготавливают, но ему так и не удалось выяснить как именно. Инспекторы приносили их в опечатанных мешках, и Хобин держал все под замком. Первые несколько месяцев Митту даже не разрешалось до них дотрагиваться. Вместо этого ему приходилось заниматься плавкой свинца и изготовлением пульек, отливая их в цепочке маленьких форм, похожих на сосиски. И еще – смотреть, смотреть, смотреть.

Наибольшей помехой всем планам оказался сам Хобин. Он был таким осторожным – и таким терпеливым! Митт подозревал, что даже без инспекторов тот все держал бы под замком. На его услуги был огромный спрос. Почти все время в мастерской находился кто-то, кроме Митта и Хобина. Солдаты и офицеры приносили ружья, с которыми что-то было не так. Другие оружейники заходили, чтобы обсудить с Хобином сложные технические вопросы. Митт узнал, что Хобин изобрел способ сделать так, чтобы ружье стреляло более метко. Для этого внутри ствола делалась бороздка, идущая по спирали. Вот почему пульки, отливка которых заставляла Митта так скучать, были заостренными, а не круглыми, как дробь, – ею пользовался Харл во время охоты на птиц на Флейте. Дважды Хобина даже вызывали к Харчаду, чтобы получить его совет.

К тому времени, когда Митту позволили вырезать приклады и даже отвешивать понемногу пороха, он понял, что Хобин – лучший оружейник в Южном Дейлмарке. Митт очень этим гордился и радовался за мать. Но это означало и то, что он выбрал самого неподходящего человека для обворовывания. Хобин имел безупречную репутацию. В Гильдии его уважали. И очень долго Митт не решался ничего предпринять.

Хобину искренне хотелось, чтобы мальчик учился и стал, по его словам, «добропорядочным гражданином». Митту пришлось лучше одеваться. В хорошей одежде, конечно, зимой теплее, но он из принципа ее презирал. Каждый день, когда они поднимались наверх после работы, надо было мыться. Раз в неделю его заставляли мыться целиком, хотя Митт свято верил, что мытье отнимает у человека силы. И каждый вечер Хобин доставал книгу. Она называлась «Хрестоматия для бедных» и вызывала у мальчика страшную зевоту. «Раз не хочешь ходить в школу, учись дома», – говорил Хобин и заставлял Митта прочитывать вслух по странице – каждый вечер, после ужина.

Митт диву давался, как он в тот первый год не умер от скуки. Ему казалось, что он ожил, только когда наконец смог относить Дидео крошечные пакетики с серой и селитрой. Это было даже интереснее, чем беготня с поручениями от «Вольных холандцев». Митт придумывал какую-нибудь отговорку для Хобина – «врал, как весы торговца рыбой», как он говорил матери, – и ускользал со своим пакетиком из дома, понимая, что если его поймут с этой ношей, то ему придется плохо. Ощущение опасности приятно волновало, и так здорово было осознавать, что наконец-то дело движется.

Хотя и не слишком быстро. Хобин был терпеливый, но порой он сердился на Митта. Мысли мальчика были сосредоточены только на добыче пороха. Он не собирался становиться оружейником, так что прислушивался к Хобину не больше, чем к Сириолу, когда тот учил его рыбачить. Тем временем Мильда родила ребеночка, а спустя год – еще одного.

Митт страшно удивился, обнаружив, что обзавелся двумя сестренками задолго до того, как заполучил бомбу. Девочки – помеха серьезная. Они плакали, у них резались зубки – и они отнимали время у Мильды тогда, когда она была нужна Митту.

Однако младенцы не подозревали, что они – помеха. Стоило матери вручить Митту одну из сестренок, как малышка принималась смеяться и гулить у него на руках, словно ее брат вовсе не досадовал на нее.

А потом Митт пошел в рост. Это тоже его изумило. Он привык, что он самый маленький парнишка на улице. А теперь стал одним из самых больших, с длинными-предлинными худыми ногами. Женщине, что украла красную и желтую материю на костюм, в котором Митту предстояло бросить бомбу, пришлось украсть еще – и Мильда отложила шитье до того времени, когда станет ясно, что сын из одежды не вырастет.

– Оно и к лучшему, – заметил Сириоль. – Если ты и дальше станешь так расти, то уже через год после побега так изменишься, что даже шпионы Харчада тебя не узнают.

Беда только в том, что Митту нужно было много есть, а денег у Хобина становилось все меньше. Хадд опять повысил ренту по всему Холанду. Ружья мало ему помогли. Все остальные графы Южного Дейлмарка тоже поспешили обзавестись ружьями. Хадду пришлось просить мира, а это стоило денег. Митт радовался, когда Хобин принялся ворчать не меньше других и первым подписал прошение гильдии оружейников, где испрашивалось позволение повысить цену ружей. Хадд отказал им.

– Ну, теперь ты разве не согласен, что в борьбе за свободу есть прок? – поинтересовался Митт.

– От этого только хуже, – ответил Хобин.

– Нет, послушай, – попытался убедить его Митт. – Можно заставить всех графов воевать друг с другом, а потом устроить восстание. И тогда Север придет нам на помощь. Обязательно придет!

– Если Север это сделает, – возразил Хобин, – то графы перестанут воевать друг с другом и набросятся на Север. И ты окажешься на их стороне, Митт. Ты бы ничего не смог поделывать, потому как родился южанином. И Север понимает это лучше, чем ты. Это история. Восстанием делу не поможешь.

– Ты слишком терпеливый, вот в чем твоя беда! – заявил Митт.

Несмотря на свою терпеливость, к весне отчим начал сдавать. Ему нужно было кормить Митта и малышей. А Мильда по-прежнему бегала на улицу и «случайно замечала» дорогие вещи – в последнее время это была в основном мебель. Хобин серьезно заговорил о том, чтобы переехать обратно в Уэйволд.

– Мы же не можем уехать! – в ужасе сказал Мильде Митт.

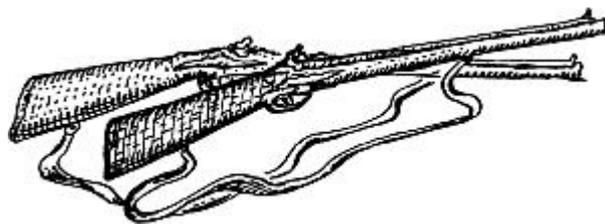
– Знаю. Ведь я столько лет тебя обучала, – согласилась Мильда. – Но если Хадд исчезнет, Хобину ни к чему будет уезжать. Сбегай и отыщи Сириоля.

И она разбила целую миску яиц только для того, чтобы у Митта появился предлог уйти из дома.

Митту посчастливилось поймать Сириоля, когда тот садился на «Цветок Холанда». Рыбак стоял на причале и думал так долго, что Митт уже решил, что он пропустит отлив.

– А, – наконец буркнул Сириоль. – Да. Значит, тебе надо действовать этой осенью.

– Значит, осенью! – согласился Митт, и от волнения у него задергались мышцы на икрах ног. – И слава богам! После трех горелых лет я уже больше не могу ждать!

Часть вторая Морской фестиваль

6

Этой весной дули сильные ветры. Море в двух местах прорвало плотины, даже в гавани яхты бросало в разные стороны, и мачты ломались, как щепки. Сириоль две недели не мог выйти в море. Жители Холанда отсиживались по домам, потому что ветер на улице швырял песок и соль в лицо, так что почти ничего не было видно. Митт оказался очень занят. Умер правитель Южного Дейла, и все графы Юга собирались в Холанде, чтобы согласно обычаю облечь властью нового графа. Люди спрашивали друг друга, удастся ли Хадду перессориться со всеми прибывшими или только с половиной из них. Митт решил, что Хадд просто не сможет не поссориться со всеми. Хобин дни и ночи напролет изготавливал новые ружья и приводил в порядок старые. Наверное, дворец был уже битком ими набит. Митту так и не удалось посмотреть на графов. Правда, как-то раз он видел одного продутого ветром щеголя, который, судя по его виду, предпочел бы сидеть дома, но никто не мог сказать мальчику, граф это или нет.

– Все равно – долой его, – пробормотал Митт, поспешно возвращаясь в дом.

А потом за отмелями появился незнакомый корабль, который пробирался в гавань. Все очень заволновались. Говорили, что этот корабль – с Севера. Митт только о нем и мог думать.

– Придется пойти и посмотреть, пока ты не испортил все пули, – пошутил Хобин.

Они с Миттом надели моряцкие куртки, чтобы защититься от ветра, и отправились в гавань – как и большинство жителей Холанда.

Корабль качался на громадных волнах сразу за молом – черный силуэт в желтоватом свете, льющемся с хмурого неба. Его прямые паруса были свернуты, и он двигался только на обрывках штормового. Митт сразу же понял, что это действительно корабль с Севера. Люди вокруг Митта шептались, что глупо было выходить в такой шторм на маленьком корабле с прямыми парусами, но ведь северяне все глупцы. И было ясно, что кораблю приходится

туго. Какое-то время мальчик сомневался в том, удастся ли ему вообще войти в гавань. А потом судно обогнуло мол – и все поняли, что корабль уцелеет.

По всей гавани выстроились солдаты, готовые встретить чужаков. За ними стояло много простых людей с ножами и камнями. А Митт наблюдал за происходящим со смешанными чувствами.

Он был рад, что корабль спасся. Но как они посмели! Как они посмели вот так взять и зайти в гавань Холанда! Корабль тяжело привалился к причалу – он явно дал течь. Когда матросы увидели поджидающих их солдат, некоторые из них бросились в воду гавани, чтобы их не схватили.

– Какие трусы! – сказал Митт Хобину.

– Им надеяться не на что, – отозвался Хобин. – Бедняги!

Северян, оставшихся на борту, арестовали, как только солдаты смогли прыгнуть на корабль. Митт почти ничего не видел за толпой. Однако он успел разглядеть, как их повели в гору, ко дворцу – группу промокших, усталых людей со светлыми волосами и смуглыми лицами. Матросы казались более плотными и здоровыми, чем жители Холанда, хотя явно были настолько измучены, что еле соображали, что с ними происходит. Юный оружейник страшно удивился, не обнаружив в их облике ничего особенного. Он почему-то думал, что, если человек свободен, это как-то по нему сразу заметно. Но они понуро брели, шаркая ногами, как все, кого арестовывали люди Харчада.

* * *

Не меньшее волнение появление северян вызвало и во дворце. Там все и так уже бурлило из-за облечения властью нового графа. Пиршества, хлопоты и приготовления шли уже неделю. Всех детей услали подальше: им велели, чтобы их было видно, но не слышно. Показываться можно было, только если за ними послали. Было много хихиканья и подглядывания. К вящему презрению Хильди, все ее кузины назвали нового графа Южного Дейла «потрясающе интересным» и шпионили за ним почти все время. Всем хотелось быть помолвленными с ним, а не с тем, с кем они на самом деле были помолвлены. А Хильди Толиан показался каким-то злобным. И она совершила ошибку, поделившись этой мыслью с Хариллой.

– Ну и ладно, Леди Особенная! – обиделась та. – За это я не скажу тебе, откуда подсматриваю, вот! Иди и ищи себе другое место.

Хильди это нисколько не огорчило. Они с Йиненом лучше других умели находить места, откуда можно было видеть, что происходит. Дети долго наблюдали за пиром и музыкантами, пока не стало ясно, что лорд Святых островов не приедет.

– А почему? – недоуменно спросила Хильди.

– Кажется, он не входит ни в один союз, – ответил Йинен. – Его дело – не пускать сюда флот Севера.

А потом стало известно, что по крайней мере один корабль с Севера все-таки проплыл мимо Святых островов. И половина графов уверилась, что это первый корабль вторжения.

Дворец превратился в разворошенный муравейник. А когда туда привели промокших пленников, переполох поднялся пуще прежнего. Чужаков допросили. Оказалось, что двое из них благородного происхождения. Больше того – они были сыновьями самого графа Ханнарта. На Юге граф Ханнарт был объявлен вне закона. Йинен рассказал Хильди, что в молодости Ханнарт приезжал на Юг и участвовал в большом восстании, словно простой бунтовщик.

Судьба северян уже не вызывала сомнений. Их следует казнить.

Все знают, что, если человека с юных лет к чему-то приучать, он к этому привыкает. Хильди и Йинен привыкли к тому, что людей судят и вешают чуть ли не ежедневно. Их не слишком тревожила смерть северян. Большинство жителей дворца говорили, что чужаки сами напросились – зачем они сунулись в Холанд? Но Хильди и Йинену очень хотелось взглянуть на детей графа Ханнарта, пока они еще живы. Это оказалось непросто. Хадд боялся, как бы кто-то из борцов за свободу из Холанда не попытался освободить северян, так что к пленникам никого не подпускали. Однако в последний день суда Хильди и Йинену удалось притаиться в арке неподалеку от того места, где держали в заключении младшего из сыновей Ханнартского графа.

Они увидели, как выходят солдаты. Среди них разглядели своего дядю Харчада, а с ним – графского сына. И когда группа поравнялась с ними, Хильди с изумлением увидела, что сын графа очень молод – не старше сына самого Харчада, совсем еще мальчишка. И когда они проходили мимо арки, Харчад вдруг повернулся и ударил пленника ногой. И вместо того чтобы гневно посмотреть на Харчада или обругать его, как это сделала бы сама Хильди или любой из ее двоюродных братьев и сестер, парнишка только съежился и закрыл голову рукой.

– Не надо! – простонал он. – Перестаньте!

Хильди проводила взглядом солдат, сопровождавших пленника. Ей уже доводилось видеть, как ежатся под ударами бунтовщики. Она думала, что так ведут себя только простолюдины. И ее до глубины души потрясло, когда она увидела, что и графского сына забили до такого жалкого состояния.

– Как ты думаешь: дядя Харчад очень жестокий? – спросила Хильдрида у брата.

– Конечно, – ответил Йинен. – А разве ты не знала?

И он пересказал ей то, что слышал от двоюродных братьев.

Хильди изумленно воззрилась на него. Йинен и сам ужасался не меньше, чем она, а некоторые вещи, рассказанные им, заставили ее похолодеть. Хильди налетела на брата и оттолкнула к стене.

– Хватит! Неужели тебе все равно?

– Вовсе нет, – возразил Йинен. – Но что я могу поделать?

Пленных повесили на следующий день. Хадд разрешил дворцовым детям посмотреть на казнь, если они захотят. Йинен сказал, что не хочет. Хильди пыталась решить, хочется ли ей идти на казнь после того, что она уже видела, – и тут им принесли известие от Нависа. Он запретил Хильди и Йинену смотреть. Девочка обнаружила, что чувствует облегчение.

Но вот странность: если что-то ужасное происходит далеко и ты этого не видишь, становится только страшнее. Хильди старалась не смотреть на часы, но совершенно точно знала, когда именно началась казнь. Едва со двора донесся приветственный крик, похожий на стон, Йинен заткнул уши. Еще ужаснее было то, что их кузину Ирану унесли со двора в истерике, кузина Харилла по-настоящему упала в обморок, а всех остальных, и мальчиков и девочек, вырвало.

– Как же это было страшно, наверное! – предположила Хильди, обмирая.

После этого они с Йиненом старались по возможности держаться от дяди Харчада подальше.

Шторм стих, и все графы разъехались по домам. Кузина Ирана Харчадсдоттер лихорадочно перебежала от окна к окну, стараясь в последний раз взглянуть на графа Южного Дейла.

Хильди презирала сентиментальные глупости. Она не сдержалась и бросила:

– Не понимаю, почему ты так волнуешься. Он ведь даже на тебя не взглянул. И я готова держать пари, что он вдвое более жестокий, чем твой отец. Взгляд у него еще подлее.

Ирана разрыдалась. Хильди со смехом отправилась в первое в этом году плавание на «Дороге ветров». А Ирана в слезах пошла к кухне Харилле и пожаловалась ей, какой гадкой была Хильди.

– Она так сказала? – отозвалась Харилла. – Ладно же. Пора дать Леди Гордячке урок. Идем со мной к дедушке. Готова спорить, что он не знает о ее плаваниях.

Хадд не знал. Он и так был в отвратительном настроении, потому что сильно поругался с графом Хендой. А появление корабля с Севера напомнило ему, насколько важен его союз с лордом Святых островов. Мысль о том, что в эту минуту драгоценный союз может утонуть из-за внезапно налетевшего шквала, совершенно вывела его из себя. Он так разозлился, что Харилла почти пожалела о том, что пошла к нему. Она получила оплеуху, словно сама провинилась. Потом к графу вызвали Нависа. Хадд добрых полчаса отчитывал его. А когда вернулась Хильди, ей устроили самую страшную выволочку в жизни. Ей категорически запретили впредь выходить в море, на любой яхте или лодке.

В течение следующих трех дней Йинен даже подходить к Хильди боялся. Она стащила у своей тетки меховой ковер, завернулась в него и сидела на крыше дворца, глядя на прекрасное манящее море с полосами серого, сине-зеленого и желтого – там, где пролегали песчаные отмели. Она была так зла, что даже плакать не могла. «Это просто союз. Я ему совершенно безразлична», – думала она. А потом, спустя два дня, девочка вспомнила, что сможет плавать по морю, как только окажется на Святых островах. Ей захотелось уехать туда прямо сейчас. Подальше от этого ужасного, жестокого места. Остаток дня она провела, делая чудесный рисунок с изображением «Дороги ветров». Когда он был закончен, она аккуратно разрешила его пополам и надписала на одной половине «Йинен», а на другой – «Хильдрида». А потом зачеркнула «Хильдрида» и на этой половине тоже написала «Йинен». После этого она спустилась с крыши и вручила обе половинки Йинену.

– Держи. Теперь она вся твоя.

Йинен сидел и держал обе половинки рисунка. Он был рад – но все-таки это было несправедливо. Хильди пришлось дорого заплатить за то, что она – важная персона. Мальчуган подумал, что этой осенью он хотя бы станет достаточно взрослым, чтобы участвовать в Морском фестивале. И пообещал себе, что умрет, но даст деду по носу трещоткой. Хадд, как никто, заслужил такое. А потом он вспомнил о сыновьях графа Ханнарта и подумал: «Хорошо бы, чтоб дядя Харчад тоже принял участие в шествии. Ему достанется хорошая плюха!»

* * *

А в Холанде все по-прежнему сплетничали о северянах. Мильда сказала, что нельзя было их вешать, они ведь просто хотели укрыться от шторма. Хобин ответил, что иного и ждать было нечего. Митт постепенно забыл о своих смешанных чувствах. Со временем он все более отчетливо вспоминал, как северяне шаркали ногами, – как все арестованные. Он решил, что это что-то значит, если тирания Холанда может заставить свободных людей Севера выглядеть такими жалкими. По правде говоря, он немного презирал северян за это.

Большинство горожан жалели казненных. В то лето графа стали ненавидеть еще больше, чем прежде. А потом прошел слух о том, что северяне одержали победу над Югом в серьезном сражении и закрыли последний перевал через разделявшие Северный и Южный Дейлмарк горы. После этого даже те, кто был на стороне Хадда, стали винить его во всем. Он привел их к позорному поражению, ни за что ни про что повесив двадцать человек.

– Отлично, – сказал Сириоль. – Дела складываются в нашу пользу.

Все лето «Вольные голландцы» вновь разрабатывали планы. Помимо прочего, Митт и Мильда вдруг сообразили, что никто не должен увидеть связь между Хобином и Мит-

том, когда мальчик бросит свою бомбу. Если только дать шпионам Харчада хоть крошечный повод – Хобина повесят. Но мальчик был уверен, что сможет лгать достаточно убедительно, чтобы на отчине это не отразилось.

– Я много лет тренировался врать, – сказал он. – Удивительно даже, что я еще до сих пор не забыл, как говорить правду. Но сам-то Хобин не будет лезть на рожон?

В этом и была вся загвоздка. Хобин редко ходил смотреть на фестиваль. Однако если ему вдруг взбредет на ум пойти и он увидит, как Митта хватают солдаты, он вполне способен сдаться вместе с пасынком и все испортить.

– Очень уж он честный, вот в чем беда, – посетовал Митт.

Он пришел посоветоваться к «Вольным голландцам». Они начали думать вместе. И сообразили. Хам, которому всегда нравился Хобин, завязал с ним дружбу. Они все лето вдвоем гуляли по Флейту. Причем Хам действовал неожиданно хитроумно. Он постепенно приучал Хобина ко все более долгим прогулкам. К концу лета приятели проводили на пустошах весь день, ужинали на каком-нибудь постоялом дворе и возвращались в Холанд уже затемно.

– Вот видишь? – объяснил Хам Митту, медленно и широко ухмыляясь. – А в день фестиваля мы пойдем до Высокой мельницы, это в двадцати с лишним милях, и нас там будут видеть. Я позабочусь о том, чтобы владелец постоялого двора мог поклясться, что мы там были.

А потом, к великой досаде Митта, в дело вмешалось другое общество борцов за свободу – «Руки, протянутые на Север». Оно прикрепило объявления к воротам дворца и к баракам, где корявым почерком и еще более корявым языком обещалось убить Хадда во время Морского фестиваля. «И исчо стоко ваших, скоко получица».

– Ну, все! – отчаялся Митт, как только услышал об этом.

Мильда снова разбила все яйца – и в придачу еще кувшин с молоком, и они с Миттом схватили по малышке и побежали к Сириолу.

– Что нам делать? – спросил Митт. – Теперь весь город будет кишеть шпионами и солдатами. И вообще, кто они, эти «Руки, протянутые на Север»?

– Я их не знаю, – ответил Сириоль. – Это плохо. Граф может отменить празднование.

– Пусть даже и не думает! – воскликнула Мильда. – Я столько лет готовила Митта к этому! И если нам придется ждать еще год, то костюм на него не налезет.

Сириоль думал – как всегда неспешно.

– Если дворец решит не выходить на процессию, то слухи об этом до нас дойдут быстро. А тем временем надо постараться посеять немного паники. Ходите и говорите, что отмена фестиваля будет для Холанда очень дурным предзнаменованием и все такое прочее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.